

АЛЕКСЕЙ ГРАВИЦКИЙ

КАЛИНОВ МОСТ

Алексей Гравицкий

Калинов мост

«Комикс Паблишер»

2010

Гравицкий А. А.

Калинов мост / А. А. Гравицкий — «Комикс Пабlishер», 2010

ISBN 978-5-17-062195-8

Калинов мост – переход, соединяющий Мир Тьмы и мир человеческий. Сотни лет Тьма копит силы, чтобы смести стражу моста и прорваться в наш мир. Когда это случится, Свету понадобятся избранные люди из мира живых, чтобы сдержать Тьму. Вторжение происходит не в древних легендах. Оно случится в самом ближайшем будущем. Сейчас. Готов ли ты ему противостоять?

ISBN 978-5-17-062195-8

© Гравицкий А. А., 2010
© Комикс Пабlishер, 2010

Содержание

Пролог	6
Глава первая	15
Глава вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Гравицкий

Калинов мост

Сергею за помощь, поддержку и идеи.

Пролог

Москва. 24 июля 2002 года.

– Ты куда меня притащил? – клиент с безгловым любопытством оглядел тесную комнатушку сторожа.

– Всеидящая ждет вас. Вы присядьте, присядьте, – Егор Тимофеич заискивающе поглядел на клиента и подставил табуреточку.

Клиент скосился на табурет и поморщился, словно давая понять, что его значимость с плебейским предметом мебелировки не совместима. Тимофеич стушевался и, буркнув «сейчас все будет в лучшем виде», скоренько прошмыгнул через заднюю дверь.

– Ты куда? – взревел гость, дернувшись было следом.

Дверь, в которую упорхнул Егор Тимофеич, закрылась было, но тут же приоткрылась снова. В комнатушку, гордо задрав хвост, вошел жирный рыжий кот. Потершись о ноги оторопевшего клиента, кошак вспрыгнул на табуретку и принялся вылизывать межягодичное пространство.

– Твою мать, – несолидно выругался солидный дядька. Ему не столько было жалко задатка в сотню долларов, сколько обидно, что его, похоже, развели, как дешевого лошка. Если это так, то пусть этот упырь пеняет на себя.

– Не дай бог, – тихо прошлепал губами клиент. – Найду и оторву все, что выпирает.

Клиент бросил сердитый взгляд на кота, тот застыл и, спешно лизнув, чего они там обычно лизут от нечего делать, спрыгнул с табурета. Мужик смахнул кошачью шерсть, поморщившись, плюхнулся на табуретку и расстегнул пиджак. В комнате было душно.

Егор Тимофеич тем временем вприпрыжку скакал между вольерами и орал благим матом. Единственное цензурное слово, которое прорывалось между потоками грубости, было «старая».

– Старая!! Мать етить, где тебя заразу носит...

Сторож огляделся. Почему-то внимание его привлёк указатель с хищниками и он поспешил туда.

Передвигаться по территории Егору Тимофеичу было теперь тяжело. Возраст и ежедневные вливания давали о себе знать. В московском зоопарке Тимофеич проработал лет тридцать. И ведь раньше бегал дай боже. А теперь... Правда, тогда, когда пришел сюда впервые, алкоголя в крови было поменьше, да и не называл его тогда никто ни Тимофеичем, ни Егором Тимофеичем. Кликали Егоркой. Да, пожалуй, он один из старейших сотрудников зоопарка. Из старой гвардии теперь остались только он да старуха. Но старуха вообще отдельный разговор. Сейчас никто не знает с каких пор старая здесь работает. Когда он только устроился сюда, она уже тогда была старейшим сотрудником и старухой.

Интересно, сколько ей лет? На этот вопрос она никогда не отвечала прямо. Либо отшучивалась – что никто не считал. Либо делала вид что кокетничает, и бурчала, что дамам подобных вопросов не задают. В ее устах подобное кокетство звучало особенно смешно.

Если бы кто-то спросил его, Тимофеича, сколько старой лет, он бы честно ответил, мол столько не живут. Но его теперь никто ни о чем не спрашивал. Да и тому, что говорит, не особенно верили. Все знали, что сторож пьет. Потому Егор, не будь дурак, сам втихомолку стал присматривать за старухой, а когда понял, что та далеко не так проста, как кажется, предложил ей бизнес. Так родилась ведунья в третьем колене Всезнающая. По их уговору Тимофеич давал объявления в газетах и на столбах, приводил клиентов, а старуха гадала на картах, кофейной гуще и бараньей лопатке. Иногда проводила какие-то ритуалы. Клиенты покупались на эту

чушь, ведь чудес в беспокойное время всем охота, а старуха и сторож имели с них неплохую денежку, которую делили пополам.

Свою долю Тимофеич как правило пропивал и шел к старухе на поклон. Старая взаимы не давала, зато наливала мутного самогону. Пес знает откуда она его брала, но самогон был знатный и Тимофеича такая ситуация вполне устраивала.

Старуху он нашел у клетки с пантерой. Огромный черный кот тоже жил здесь сколько Егор себя помнил. Удивительно, как до сих пор не сдох. А ведь не сдох, даже старым не выглядел. Здоровое, мощное, крупное даже для пантеры животное. Старуха со зверем сидела подолгу, видимо нравились ей долгожители.

– Ты чего здесь? – тяжело выдохнул запыхавшийся сторож.

– Думаю, – отозвалась та. – Тебе чего, Егорушко?

– Сколько раз просил, – огрызнулся Тимофеич. – Не называй меня так. Какой я тебе Егорушко?

– А кто ты? – хитро усмехнулась старуха. – И как прикажешь тебя звать, когда я тебя пацаном зеленым помню.

– Егор Тимофеич, – фыркнул тот почище тюленя, что плавал кстати неподалеку.

– И что за панику ты тут развел, Егор Тимофеич? – старуха снова перевела ясный, вовсе не старческий взгляд с Егора на пантеру в клетке. – Не пожар, чай. Клиент всего лишь.

Тимофеич опешил:

– Откуда знаешь, что клиент? Я ведь не говорил.

– Нешто я слепая? – усмехнулась старая. – Сам же в газетенках пишешь, что ясновидящая.

– Я тебе за деньги еще не то напишу, – хмуро пообещал Тимофеич. – Идем, он там заждался уже поди.

Старуха прикрыла глаза и улыбнулась.

– Нее, не заждался. Он там Ваську твоего наблюдает, и думает, что с тобой сделать, если ты с его задатком ушел и не вернешься. Сейчас вот про тазик с цементом думает и про мутные воды реки Москвы.

Сторож поперхнулся, закашлялся. На пожилую смотрительницу выпучился так, словно перед ним находился судья со смертным приговором, а не бабулька – божий одуван.

– Меня в цемент? И ты сидишь тут?.. А ну пошли. Живее.

Тимофеич ринулся было схватить старушку в охапку и поволочить к себе силой. Старая резко поднялась на ноги. Чистые глубокие глаза посмотрели на сторожа с такой проницательностью, что тот оторопело замер, растеряв всякое желание трогать бабульку руками.

– Чего встал, Егорушко? – ядовито поинтересовалась старушка. – Пошли уже.

Сторож вяло, словно муха в киселе, потопал следом.

– Живее, – прикрикнула старая, ускоряя и без того резвый для ее возраста шаг.

Клиент встрепенулся, явно намереваясь бросится к Тимофеичу с претензией, но следом за сторожем вошла маленькая ветхая старушка с удивительно ясными глазами. По виду ее казалось, плюнешь, потонет. Но от старческой фигурки веяло такой силой, что клиент растерял всю свою решительность и сел обратно на табурет.

– Меня зовут...

– Для меня это совершенно не важно, Сергей Грачикович, – перебила старуха и выразительно поглядела на Тимофеича.

Притулившийся в уголке Егор вздохнул и послушно вышел. Ему всегда было любопытно посмотреть, что же такого делает с этими богатыми мужиками старуха, что те столь легко расстаются со своими деньгами. Однако такой возможности старая ему не давала.

– И с чем вы ко мне пришли? – спокойно поинтересовалась старуха, когда дверь за столом закрылась.

– Я, знаете ли, хочу вложиться в новое дело... кхम्म... и, знаете ли, не хотел бы потерять свои деньги.

– Обратитесь к экономистам, – старушка повела ветхими плечами. – Пусть выстроят вам хороший бизнес план.

Клиент поерзал на табуретке и подался вперед, словно пытаясь подавить собеседницу и вернуть себе обычную самоуверенность.

– Понимаете ли, бизнес план... кхम्म... Даже самый хороший бизнес план это только предположения. Мне нужно знать, выгорит мое дело или нет. Знать точно. И я готов заплатить за это знание.

Старуха усмехнулась.

– Ну, хорошо. Рассказывайте о своем деле, Сергей Грачикович.

– В смысле? – не понял клиент.

– Рассказывайте про свой бизнес.

– Вы хотите, чтобы я выдал вам ноу хау? – Сергей Грачикович хохотнул. – Я так похож на идиота? Это мой бизнес, и я...

Старушка не стала слушать, просто выставила ладонью вперед сухую стариковскую руку.

– Вы меня не поняли, дорогой мой, у меня свое дело, ваше мне не нужно. Но если хотите, чтобы я делала свое, говорите. Не хотите говорить, всего хорошего.

Клиент закашлялся, замахал руками, став похожим на ветряную мельницу.

– У вас дар убеждения, Всевидящая.

– Я работаю в зоопарке, – пожал плечами старуха. – Если могу убедить неразумных животных, то уж с разумными проблем быть не должно. Разве нет?

– Иногда мне кажется, что с дикими зверями проще чем с людьми, – отозвался бизнесмен. – Ладно, с чего начать... У меня есть дело, которое стабильно приносит доход. Но в наше время ни в чем нельзя быть уверенным. Поэтому сейчас, когда скопилась некоторая сумма, я хочу вложиться в какое-либо совершенно новое направление, и...

Голос мужчины постепенно потерял четкость, расплылся, сливаясь, превращаясь из потока слов в ровный гул, вибрирующую волну. Она расслабилась, отдаваясь этой волне и поплыла куда-то, теряя связь с реальностью. В этом гудящем нечетком еще «где-то» был и тот, что сидел напротив. Она видела его вполне четко, видела других людей.

Внутри что-то дрогнуло, засвербило неясной тревогой. Что? Ощущение было сродни тому, которое возникает, когда видишь лицо в толпе, по инерции пробегаешь взглядом дальше, а потом долго ищешь то, что мелькнуло только-только и снова потерялось из-за поспешности.

Интуиция не подвела. Вот оно! Среди живых людей она вдруг отчетливо увидела мертвеца. Затем еще одного и еще. А потоки лиц двигались куда-то и вскоре вокруг были одни мертвецы. В голове дернулось болью, лица смыло темной волной. Теперь она видела до черноты красную, словно венозная кровь, реку. Вокруг было так же темно, лишь выделялся каким-то тусклым пятном горбатый мост. Мост был далеко от нее, и сейчас невозможно было понять, что на нем происходит, но что-то там происходило. Дальний край моста налился чернотой и...

– Эй, бабуля! Ты уснула что ли?

Картинка рухнула. Возвращение к реальности было тяжелым. Она чувствовала себя не лучше, чем выброшенная на берег рыба. Сердце колотилось так, как не билось уже лет сто. Дыхание стало хриплым и порывистым.

– У тебя все нормально будет, только когда будешь свой бизнес строить, делай это подальше от центра города.

– Но я планировал парк за ЦДХ попользовать.

– Пользуй, – согласилась старуха. – Только учти, что тогда от твоего бизнеса через двадцать лет ничего не останется.

– И все?

– И все.

– А там ритуал какой? Или жертва?

Старуха покачала головой. Клиент кивнул и достал бумажник.

– Сколько с меня?

– Сколько не жалко, – небрежно отозвалась старуха. – Ты ж сам грозился, что за ценой не постоишь.

Сергей Грачикович долго возился в бумажнике, перебирая пальцами стодолларовые купюры, наконец, решил и выволок какое-то количество зеленых бумажек на стол. Старуха кинула на деньги небрежный взгляд.

– До свидания, Сергей Грачикович.

– До свидания, – поднялся с табурета бизнесмен. – Но если что не так...

Он многообещающе показал зубы в странной, похожей на оскал, улыбке и вышел вон. Хлопнула дверь. Старческая рука сграбастала стопку американских денег. Палец провел по ребру стопки, прошелестев купюрами.

– Жлоб, – констатировала старуха и поспешно метнулась следом.

Клиент не успел еще далеко уйти.

– Сергей Грачикович, – окликнула старуха.

Бизнесмен остановился и повернулся на голос. Старуха приблизилась, пристально, словно рентгеновский аппарат, заглянула в глаза клиенту.

– Вот еще что, – сказала ровным и бесстрастным голосом. – Насчет жертвы. Жертва должна быть детской.

– Что? – вздрогнул мужчина. – Это ребенка что ли убить?

– Не в том смысле, вы сейчас сходите в ближайший роддом или школу какую-нибудь, узнайте их реквизиты и анонимно переведите на их счет вот эту сумму.

Старуха протянула бумажку с накорябанным числом. Брови бизнесмена взлетели вверх.

– А без этого нельзя?

– А без этого ничего хорошего вам не видать.

Сергей Грачикович кхмыкнул, сунул бумажку в карман и быстро-быстро пошел к выходу. Старуха довольно потерла руки. Подошел сторож:

– Что за жертва такая странная? – поинтересовался у старухи.

– Да не жертва это, – отмахнулась та. – Так просто... пусть что-то доброе в своей жизни сделает. Хоть и не по собственной воле.

Черные, поблескивающие в неясном свете волны катились и перекатывались. Река казалась гладкой и скользкой. Звуков тут не было. Точнее сказать, она их не слышала, только видела черные волны и маленький горбатый мостик, соединяющий этот берег с тем не менее черным, чем вода в реке. И чернота эта, затаившаяся до поры, готова была сейчас перехлестнуть через мост, обрушиться на этот берег, похоронить под собой все, что можно.

На мостике происходило какое-то шевеление, но разобрать с такого расстояния что там творится было невозможно. Опоры моста почернели, дальний его край провалился в непроницаемую тьму, не то растворился, не то обрушился.

Тьма, словно живая, пожирала мост, приближалась...

*Над рекой калина спелая,
Налитая соком.
Обожгла ты руки белые*

*В молодой осоке.
В молодой осоке прячутся
И дожди и солнце.
Ой, кому-то нынче плачется,
А кому смеётся...*

Голос прорвался сквозь видение, разрушив его, как камень упавший в воду разбивает отражение. Старуха вздрогнула и перевела дыхание. Она снова сидела у клетки и смотрела в блестящие черным глаза громадной пантеры. Песня оборвалась.

Ночной зоопарк жил своей жизнью, и звуки здесь были свои, совсем не московские. Что-то стрекотало, кто-то всхрапывал, откуда-то издалека доносились еще какие-то отголоски животного существования.

Лязгнуло металлом решетки. Послышались невнятные чертыханья. Потом совсем рядом зашелестели шаркающие шаги, и нетрезвый голос сторожа затянул прерванную песню.

*Ой, кому-то нынче плачется,
А кому смеётся.
А калина поразвесила
Золотые гроздья,
У кого-то в доме весело
За столами гости.
Гости пьют за парня русого,
За его невесту.
Отчего играют грустную
Гармонисты песню.*

Из клетки утробно рыкнуло. Старуха глянула на своего любимца. Дикий кот сидел, уткнувшись лбом в металл решетки. Глаза огромной пантеры наполнились смертельной тоской. Со стороны могло показаться, что зверь понимает смысл песни.

*От чего играют грустную
Гармонисты песню.
Улыбнись слезинка скатится
Со щеки на платье.
Пусть у них всё в жизни ладится,
Будет в жизни счастье.*

На дорожке между вольерами появился Егор Тимофеич с ополовиненной квадратной бутылкой в руке. Замер, взгляделся в ночь и направился к старухе.

*В молодой осоке прячутся
И дожди и солнце.
Ой, кому-то нынче плачется,
А кому смеётся.
Ой, кому-то нынче плачется,
А кому смеётся.¹*

¹ Народная песня

Сторож остановился и приложился к горлышку.

– Ой, кому-то нынче плачется, а кому смеется, – повторил он обычным голосом. – Старая, а тебе смеется?

– Мне улыбается, – отозвалась старуха. – Опять напился, Егорушко?

– А че еще делать? – сторож приложился к бутылке, крикнул и глянул на этикетку. – О! Знаешь что это? Абсент. Знаешь, сколько стоит? Уууу. Можно было бы за те же деньги пол-ящика водки купить. А то и ящик...

– Так чего ж не купил?

– Пока деньги есть, хочу попробовать. А то так жизнь проживешь и помрешь в неведении. Водку-то я пробовал и еще успею. А этого... От него, говорят, можно зеленую фею увидеть. А я вот сколько выпил, а вижу только старую ведьму.

Сторож хихикнул собственной шутке, потом отчего-то опечалился и зло сплюнул:

– Не смеется мне сегодня, старая. И вообще не смеется. Вся жизнь несуразная. Вот ведь. Даже фею зеленую и то не вижу... Ван...

Сторож запнулся и запустил пятерню в волосы, словно пытаясь выковырять из башки забытое имя. Потом опять сплюнул.

– Ван... иностранец какой-то с этого дела фею видел. Даже вроде портрет ее намалевал. А мне вот не везет. А ты все со своим котом диким сидишь. Вот смеется тебе? А ему?

Пантера отступила от решетки и ушла в дальний угол.

– Не смеется, – кивнул Тимофеич. – Плачется. А ведь он кот, хоть и лесной. С чего ему плакать? А я тебе так скажу, старая, у нас тут всем плачется. А кому смеется, тому до слез.

– Пьян ты, Егорушко, – покачала головой старуха. – Иди-ка спать.

Сторож покачнулся и двинулся прочь. Потом остановился, повернулся и глянул на старуху.

– Спать-то я пойду... а вот ты мне скажи чего спрошу. Ты вроде как чье-то будущее видишь, чего-то там про кого-то знаешь... Вот увидь пожалуйста, когда нам смеяться начнет? Когда плакаться перестанет? Вот что будет лет через двадцать, а?

Старуха пожала плечами.

– Не знаешь, – горько усмехнулся сторож. – А еще всевидящая.

Она смотрела в удаляющуюся ссутулившуюся спину обиженного жизнью человека. Не дай бог ему узнать о том, что ей привиделось. И без того пьет без просыху, а если узнает о том, что через двадцать лет, может и вовсе ничего кроме слез не будет...

Впрочем, если сидеть и ничего не делать, так может случиться, что и слезы лить некому станет. Старухи поднялась и двинулась вглубь парка.

С этой стороны, где не было фонарей, пруд казался бездонным и черным, как глаз пантеры. Старуха опустилась на колени у самой кромки воды и принялась вглядываться в собственное отражение. Полная луна и ясное небо были кстати. А вот ветерок, что рябил воду и рассыпал картинку, мешал сконцентрироваться, чем немало злил.

Однако злость в задуманном была плохим помощником, и старуха откинула все эмоции. Наконец, отражение оторвалось от той, что его отбрасывала, и поплыло совершенно самостоятельно куда-то вдаль и вглубь по лунной дорожке.

Она двигалась от блика к блику, от года к году, зная только точку, в которую должна попасть. Все дальше и дальше удалялась от оставшегося на берегу пруда тела. Вглубь воды, вглубь времени. Вглубь пространства. Вскоре блики пропали вовсе, и она поняла, что попала туда, куда шла.

Понимание того, что она стоит на дне, а вокруг плотная и непроницаемая вода, пришло вдруг. В первое мгновение захотелось рвануть вверх, спасая легкие, но она переборола животный инстинкт. Не надо рваться вверх. Надо идти вперед. Шаг, еще шаг. Старуха знала

куда двигаться, помнила путь, хотя с последнего ее здесь появления прошли сотни лет. Еще несколько шагов. Дно было вязким, ноги проваливались словно в ил. Еще несколько шагов и над головой расступилась водная гладь.

Старуха не останавливалась и вскоре оказалась на берегу. Вода накатывалась черно-красными, как венозная кровь, волнами. Далеко впереди горбатился знакомый мостик. В груди тревожно защемило. Ноги сами понесли в ту сторону.

Мост оказался дальше, чем можно было бы предположить. И был он не маленьким и горбатеньким, а имел довольно внушительные размеры. Поодаль вдоль всего берега была пустошь, чуть дальше топорщились головешками обгорелые остовы изб. Пахло гарью и тлением. Впрочем, на пейзаж, как и на запахи, она не обращала особого внимания. Интересней была фигурка всадника, что отделился от моста и скакал ей навстречу.

Она узнала воина прежде, чем тот успел доскакать и остановиться, резко вздернув коня на дыбы. Простая кольчуга, черный плащ, хотя раньше он носил красный, притороченное к поясу странного вида оружие. Он не изменился с тех пор, как она видела его в последний раз мертвым. И очень незначительно изменился с той поры, как был живым. Только подавленной безразличием тоски в глазах поприбавилось.

– Здравствуй, Милонег.

Витязь спрыгнул с коня, бросил поводья.

– Смешная шутка желать здоровья мертвому. Почему ты здесь?

– Видения, – отозвалась старуха. – Тревожно мне. Чувствую что-то мощное, темное... чую, что близко оно. Скажи, как на той стороне?

– Никак. Затихли. Дня три тому последний раз перли. Но как-то вяло. Они теперь осторожничают что-то. Не чаще чем раз в неделю ломаются и то будто для отчета. Сильно не бузят.

– Значит, начали готовиться. Силу копят. Вот что, Милонег, ты нужен мне там.

Милонег посмотрел на старуху как на заморское диво.

– Ты заговариваться стала, не иначе. Мертвым отсюда ходу нет, тебе ли этого не знать. Да и нужды нет. Мы заставу держим.

Старуха кинула взгляд на тот берег, что терялся во тьме, пристально посмотрела на витязя.

– Если они серьезно готовятся к прорыву, то застава ваша не сдюжит. И я там не справлюсь. Мне нужна помощь. А как тебя вернуть, это уже моя забота. Мертвым ты там не будешь, уж поверь мне.

– Верю. Но Ящер так просто не отпускает.

Милонег глядел сурово. Мальчишка, зло пронеслось в голове, учить меня вздумал. Старуха повернулась и пошла прочь, к тому месту, где вышла на берег.

– Ступай за мной, – бросила не оборачиваясь. – И не перечь. Я покон знаю, будет Ящеру жертва.

Она сделала еще несколько шагов, за спиной было тихо. Начиная яриться, старуха обернулась. Богатырь стоял там же, с места не двинулся.

– Ступай за мной, – повторила старуха.

– Не пойду.

Злость готова была плеснуть через край, и она не стала сдерживаться.

– Добренький? – гаркнула старуха так резко и мощно, что богатырский конь всхрапнул и испуганно отпрянул. – Все вы добренькие. Одного мученика им жалко, а сотни невинных это плевать. Вроде как богами предначертано. Не зли меня, ради богов. Твой дружок знает каково меня сердить. До сих пор в себя прийти не может.

Богатырь потупился.

– Ступай следом и не отставай, – смягчилась старуха и побрела к воде.

Витязь шел следом и недовольно сопел, однако послушаться не решился. Старуха остановилась только когда дошли до нужного места. Замерла у самой кромки воды и посмотрела на витязя.

– Слушай и запоминай. Пойдешь за мной. След в след. Отстанешь хоть на шаг, считай пропал. Как доберемся до места, двигайся на свет. Запомнил?

Богатырь молча кивнул. Он по-прежнему был хмур и неразговорчив. Старуха решила на этом закончить. Лишние знания – лишние вопросы, а лишние вопросы это лишние сложности. Сейчас они никому не нужны. Сейчас нужно только одно – успеть вернуться до захода луны.

Милонег двигался на шаг позади, стараясь держаться старухиных следов. Впрочем, скоро это стало невозможным, потому как ноги оказались в воде. Сквозь черные волны было невозможно разглядеть ничего. Вода покрыла с головой и все, что видел впереди – старушечью спину.

Наверху лег дорожкой мертвенный свет полной луны. Старуха дернулась туда и заскользила от блика к блику. Витязь не отставал, один раз только отвлекся, когда мимо, в обратную сторону, пронеслось что-то маленькое, напуганное, готовое разреветься, но боящееся даже слезинку пустить.

Ребенка сгубила, пронеслось в голове. Значит, его вместо дитя малого...

Додумать Милонег не успел, лунная дорожка превратилась в мощный поток света. Свет ударил по глазам, выбив и мысли и память о прошлом. Потом стало холодно и плохо. Возмущение выплеснуло наружу, но слов не было, их попросту не осталось в голове, и он закричал.

Москва. 24 июля 2002 года.

3-ья Красногвардейская улица, дом 81

– Все, – врач устало опустил руки.

Хотел было потянуть вниз повязку, но сестра вдруг вздрогнула и повернулась, сверкая глазами. Под повязкой явно была улыбка.

– Пульс. Доктор он дышит!

Доктор постарался сохранить спокойствие, но получилось плохо. К младенцу рванулся, словно студент, впервые принимавший роды. Сестра молча стояла рядом, а он вдруг почувствовал, что его прорвало.

– Дыши, дыши, маленький, – бормотал он себе под нос едва слышно. – Господи, как ты меня напугал.

Ребенок зашевелился, наморщился и закричал. Доктор бережно поднес младенца к матери:

– Ну, мать-героиня, смотри на своего дважды рожденного. Как назвала-то? Или не решила еще?

– Олег, – с трудом улыбнулась женщина. – Его будут звать Олег.

Запершись у себя он курил, чего никогда себе не позволял на работе. Причем курил судорожно, не накуриваясь. Руки тряслись, и доктор никак не мог успокоиться. Зашла сестра, выпучилась на него, как на восьмое чудо света.

– Что с вами, Виталий Валерьевич?

– Ничего, – он судорожно затушил бычок. – Ничего. Устал я что-то. Надо бы отпуск, что ли, взять. Что у нас плохого?

– У нас хорошее, – улыбнулась сестра. – Главный звонил, просил составить список чего нам нужно, есть средства на реорганизацию.

– Откуда деньги?

– Анонимное пожертвование. Вся больница об этом говорит.

Доктор рассеянно кивнул и сожалением посмотрел на недокуренную, варварски затушенную сигарету.

– Хорошо. А как наш дважды рожденный?

– Олег? – сестра снова засияла. – Все хорошо. Спит.

Глава первая

Возвращение

Москва. 2019 год.

На кладбище было тихо. Толпа долго стояла над могилой, сперва гоняли могильщиков, которые выкопали яму накануне. А ночью прошел дождь и могила оказалась залита водой на полметра. Потом препирались о том, кто и как должен эту воду откачивать, превратившись в подобие базара. Потом вспомнили о поводе по которому собрались и затянули долгие прощания. Сейчас здесь осталась только неприметная старуха, что все это время стояла поодаль.

Она специально ждала в сторонке, когда закончится официальщина, не хотела стоять со всеми. Смотреть на истерики и слушать пафосные речи. При жизни Егора звали Тимофеичем в глаза и алкашом за глаза. Сейчас же его вырядили в костюм и лакированные туфли, которых он отродясь не носил, положили в ящик и долго говорили не то и не так. Сейчас его называли Егором Тимофеичем и вспоминали каким кристальным человеком был.

Не торопясь приблизилась к свежей могилке. Фотография с мраморной доски смотрела тоже как-то не так.

– Такие вот дела, Егорушка, – тихо сказала она памятнику. – Такие дела. Родственников у тебя оказывается много. Кто бы мог подумать. Вон и на доску не поскупились. Сейчас вот выпьют за упокой, и начнут твою квартирку делить.

Старуха опустилась на колени, погладила нежно, по-матерински сырую комковатую землю. Достала из сумки бутылку водки, свернула колпачок и перевернула. Прозрачная струя рывками полилась на могилу, впитываясь в грунт. Порывисто встрепенулся холодный ветер, качнул ветви деревьев, встопорщил седые волосы. На мгновение послышалось будто с ветром прилетели отголоски песни.

«Ой кому-то нынче плачется, а кому смеется...»

– Пей, Егорушко, пей, – тихо произнесла старуха. – Ты при жизни равнодушным не был, оттого и пил, а сейчас тебе во сто крат хуже. Мертвые они больше живых знают.

Успокоившийся было ветер снова дал о себе знать, но как-то вяло. Будто вздохнул кто-то. Старуха погладила влажную землю, выплеснув остатки водки, убрала пустую бутылку обратно в сумку и поднялась.

– Земля тебе пухом, – не удержалась все-таки от банального напутствия старуха и пошла прочь не оглядываясь. Злясь на себя, что слукавила. Ведь знает, как никто, что таким неравнодушным при жизни и по смерти покоя не будет.

Клетка открылась с неприятным лязгом. Огромный черный кот зашевелился в углу. На старуху поглядел соловым глазом, как всегда, когда наедался и спал после ужина.

– Вставай, – распорядилась та.

Кот неохотно открыл глаза и зевнул. Старуха отошла в дальний конец вольера, принялась разбирать тайничок. В отличие от запойного Егорушки ей деньги тратить было толком не на что, потому капиталы Всевидающей складывались в кучку и прятались в тайничок до поры. Теперь пора пришла. Денег в тайнике было не мало, пачек со сто долларовыми купюрами набралось на половину пакета. Самой тащить такую ношу было не особенно приятно. Впрочем, старуха и не собиралась таскать что-то на своем горбу.

– Вставай, я сказала, – повторила она, не оглядываясь.

Кот сердито рыкнул.

– Поговори мне еще, – холодно бросила старуха.

Зверь покорно, хоть и без большой охоты поднялся на ноги и подошел ближе. Старуха повернулась и пристально посмотрела в желтые кошачьи глаза, заглянув, казалось, внутрь до самых потрохов. Пантера взгляда не отвела, но отступила на пол шага.

– Я вернусь через час, готовься, – сухо произнесла старуха.

Зверь как-то совсем по-человечески приподнял бровь.

– Человека из тебя делать буду, – нехотя пояснила старуха и заперла клетку.

Пока она шла к своей комнатухе, чувствовала на спине острый взгляд янтарных глаз с вертикальными зрачками.

Вещей особенно нужных набралось немного. Потому и сборы получились недолгими. Вместо обещанного получаса старуха отсутствовала всего пятнадцать минут. Но огромный даже для пантеры черный кот весь извелся. Сейчас, пока старуха гремела ключами, он метался по клетке взад-вперед.

– Уймись, – недовольно бросила старуха. – И так против себя иду. На горло себе наступаю. Для дела только. Так не зли меня своими метаниями.

Кот послушно замер, но посмотрел недовольно, косо посмотрел. А утробное рычание больше напомнило старческое ворчливое бормотание под нос. Старуха тем временем вошла внутрь, бросила мешок с пожитками. Сверху упал потрепанный спортивный костюм, что остался от покойного Егора.

Опустившись на колени, она начертила круг и принялась описывать его давно забытыми символами. Вязь напоминала руническую, но не ту, что северяне тесали на камнях, а ту, что писалась по бересте.

Когда последние символы легли, опоясав круг внутри и снаружи, она поставила внутри круга против себя точку и молча указала на нее зверю. Кот, словно цирковой тигр, или кошка из театра Куклачева, послушно встал в центр круга. Старуха припала к земле и забормотала что-то. Услышь сторонний ее бормотание, он ничего бы не понял. Скорее даже не сопоставил бы смысл проговариваемого старой ведуньей со смыслом начертанного ей текста. Ушло то время, когда это кто-то мог понять. Давно ушло.

Символы, начертанные на полу, начали светиться в ночи. Словно светлячки почему-то решившие усесться в круг. Голос старухи зазвучал громче, окреп, став более походить на бас. Зверь напротив нетерпеливо затоптался на месте. Но старуха одарила его таким ярким взглядом, что тот окаменел. Бормотания однако не прервала.

Голос ее взлетал и падал, словно птица с перебитым крылом. То казалось, набирал сил и парил, то ухался камнем вниз, но не обрывался, а снова вздергивался куда-то. Последнюю фразу она практически выкрикнула. Вспыхнуло. В глазах зарябило от яркой вспышки, запестрели темные и светлые пятна. И она сощурилась, какое-то время ничего не видя и даже не пытаясь хоть что-то различить. Только чуяла, как оседает запах паленой шерсти.

Когда зрение восстановилось, она увидела то, что и надеялась увидеть. Зверя в клетке не было. На его месте скрючился голый мужчина. Он был поджарым, тощим. Но щуплым его было назвать никак нельзя. Все тело его было перевито веревками не мышц даже, а жил.

– Вставай, – потребовала старуха. – Поднимайся, Кот. Времени нет.

Человек попытался подняться на ноги, но вышло это не сразу. Даже когда встал видно было как тяжело ему это дается. Звериное клонило к земле, ломало осанку.

– Старрррая ста-ла, – раздельно произнес мужчина. Голос его тоже сохранил звериные нотки.

– Поговори еще, – недовольно буркнула старуха.

– Прррррежде без кррррруга об-ходи-лась, а теперрррр...

– То прежде, а то теперь.

Она поднялась на ноги и только теперь осознала всю разницу между прежде и теперь. Тогда для того, чтобы запрягать оборотня в звериную сущность и запереть в ней, хватило взмаха руки и пары слов, теперь же и слов стало больше и произносить их труднее. Да и с корачек просто так не подняться. Правда опереться не на кого, Кота самого к земле клонит. Старуха поглядела на мужика, что стоял перед ней. Тот за сотни лет, что провел в шкуре зверя почти не изменился. Только седины в висках прибавилось, да тоски в глазах. Ну и спину тот прежний Кот держал прямо, не чета теперешнему.

Никак жалеть его вздумалось, одернула сама себя. Неча его жалеть. Не за так зверем жил, а за грех. Да и осанка, походка, речь и прочее – дело наживное. Поживет маленько человеком, пообвыкнется.

Старуха взяла оставленный на пакетах костюм и бросила оборотню.

– Оденся.

Кот, при всей своей кажущейся неуклюжести, ловко поймал тряпье, принялся.

– Это чего? Испод-нее? Бррррагой скисшей пах-нет.

– Не придирайся. Одевай быстрее. Уходить нам отсюда быстрее надо, пока никто не всполошился. А там придумаем во что тебя одеть.

Кот поспешно натянул куртку. Повертел штаны, соображая на какую сторону одевать. Но сообразил быстро, помогли пузыри на коленях.

– Готов?

Тот кивнул.

– Вот и хорошо. Иди за мной, молчи побольше. А лучше вовсе молчи, пока кто-то рядом. Усек? Пакеты возьми.

– Че-го? – не понял Кот.

– Поклажу, – указала старуха на сумку со скромными пожитками и вторую с большими деньгами. – Да поосторожней с ними. Потеряешь, ей-богу обратно в звериной личине закрою.

Не смотря на опасения из зоопарка вышли легко. Проспали сторожа и старейшую сотрудницу, и пантеру-долгожительницу. Завтра опомнятся, но поздно будет. Кому-то выговор полетит, а кто-то и с места вылетит. Впрочем, ей теперь без разницы. С глаз долой – из сердца вон. Да и что ей мелкие людские проблемки?

Кот шел на полусогнутых, ежился. Пока шли по парку лишь принимался. А когда вышли под свет фонарей, от звуков и запахов ночного города ошалел окончательно. Казалось, вот-вот кинется на землю, обернется обратно зверем и помчится в панике не разбирая дороги. Но Кот, хоть и ежился, глядя на спокойно воспринимающую окружающее старуху, а панику свою старался не выдавать.

– Где мы?

– В городе, – отозвалась старуха.

– Лошадей взять не надо?

– Поучи отца, как детей зачинать.

Кот насупился, но умолк. Невдалеке светились непонятным светом маленькие домики с совсем уж неясными надписями. Возле одно из них старуха остановилась, сунула руку в один из мешков и, выудив оттуда десяток тонких небольших листочков, бросила «жди». Прежде чем Кот успел что-то сообразить старуха занырнула в домик.

Вернулась она оттуда довольно скоро. Вместо нескольких бумажек в руках у нее была теперь довольно увесистая пачка других листочков. Не говоря ни слова, она направилась в сторону, и Кот последовал за ней.

Она остановилась возле дороги, подняла руку. Машин здесь посреди ночи было мало. А тех, что хотели бы остановиться оказалось и того меньше. С протянутой рукой пришлось стоять

минут пять. Слава богам, Кот ни о чем не спрашивал, хоть по роже видно, что не понимает чего происходит и ждет объяснений. Но объясняться здесь и сейчас возможности не было.

Светофор перемигнул с красного на зеленый, несколько машин рванули с места с такой прытью, словно собирались взлететь. Одна тут же с визгом притормозила возле старухи. Вниз сползло ветровое стекло. Водитель приглушил рвущую колонки музыку.

– Куда едем, мать?

– Гостиница «Россия».

– Садись.

Старуха распахнула заднюю дверь и зыркнула на Кота, тот неумело полез в салон. Дождавшись пока оборотень уместится на заднем сиденье, она хлопнула дверцей. Сама плюхнулась справа от водителя.

Машина тронулась.

– Тебе в какой корпус, мать?

– В каком номера есть.

– Там в любом номера есть, – усмехнулся водитель. – Были б деньги.

– Тогда с видом на кремль.

– Деньги есть, – бодро оценил водитель, и, добавив мощности рвущемуся из колонок саунду, дал по газам.

Доехали быстро. После того как автомобильный поток по садовому кольцу запустили в одну сторону, а центр прикрыли для въезда автотранспорта, сохранив въезд по спецпропускам для местных жителей и некоторых специальных служб, прорваться к кремлю на машине стало практически не возможно. Но по счастью у водителя пропуск был, так что старухе не пришлось даже нашептывать бдящим день и ночь сотрудникам милиции и автоинспекции.

«Россия» встретила приветливо. Тот гостиничный комплекс, что построили на месте прежней гостиницы, кроме названия от своей предшественницы не сохранил ничего. Здесь все сияло и блистало на высшем уровне. Тут останавливались миллионеры и правительственные гости. Новая «Россия» была не для простых смертных. Потому на простенько одетую старушку и мужика в поношенном спортивном костюме посмотрели настороженно. Однако волшебная сила денежных знаков быстро сделала свое дело.

Кому какая разница во что ты одет, если ты платежеспособен. Может, тебе нравятся пузыри на коленках и возбуждает запах дешевого алкоголя.

Шикарный номер был настолько огромен, что мог поразить самых взыскательных клиентов. Кот вошел по-звериному опасливо. Неторопясь обошел двухкомнатный люкс, приняхивался и фыркал. Наконец выдал свой вердикт:

– Странные палаты.

– Привыкнешь, – пожала плечами старуха.

Кот безразлично посмотрел на спутницу, скинул драные кроссовки и взобрался на диван. Старуха встала напротив, скрестила на груди крепкие не по-старушечьи руки.

– Ты что-то помнишь?

– Я помню, что был зверррем, – утробно рыкнул оборотень.

– Хорошо, спрошу по-другому. Ты знаешь что-то о мире, в котором мы сейчас живем?

– Я знаю, что был зверрем, – глухо повторил Кот. – Я очень долго был зверррем.

– Хорошо, – кивнула старуха. – Завтра поговорим серьезно. Тебе придется много узнать. Ложись спать.

Поворачиваться спиной к тому, кого сотни лет держала в зверином теле было боязно, но она поборола страх. Если сейчас не расставить точки над и, не определиться в отношениях с оборотнем, то потом можно даже не пробовать сделать что-то вместе.

Сзади уркнуло. Старуха остановилась в дверях, повернула голову.

– Что хотел?

– Василиса, – едва слышно произнес Кот. – Что с ней?

– Умерла, – тихо отозвалась старуха. – Как я тебя в зверя обернула, так чахнуть начала.

А через год где-то пошла до реки и не вернулась. Утопла.

Кот издал странный гортанный звук, словно все еще был зверем, словно этого зверя медленно резали по живому. Старуха сглотнула.

– Ты за то меня столько лет зверррем, – не то спросил, не то сделал вывод оборотень. – А теперь что же, понадобился?

– Понадобился, – честно ответила старуха.

– Зачем я тебе, старррая?

– Не мне, – отрезала она. – Спи. Утро вечера мудренее. Завтра поговорим.

И решительно вышла.

Сон долго не шел. Ночь колола глаза, а когда забылся стало вдруг удивительно светло.

Вокруг был лес. Родной и понятный. Под ногами мягким ковром лежал мох. Пахло прелостью. Вокруг ровными розовато-коричневыми стволами уносились вверх огромные сосны. Там, куда не достать, если ты не бог и не птица, сплетались лохмато-зелеными рвано-колючими ветками. И сквозь это сплетение ровными величественными потоками лился приглушенный свет. Серебрилась в этом свете тоненькая, но, казалось, вечная ниточка на которой озадаченно болтался паучок.

Он вдохнул в себя этот лес, этот свет. На миг показалось, что сам стал светлее. Взгляд оторвался от паучка побежал по раскинутому по мху золоту волос. Опустился ниже, впитал милое и такое родное лицо. И знал то ее всего ничего, а такое родное, словно знаком был с этой женщиной вечность.

– Вася, – услышал будто со стороны свой мурчащий голос.

Она улыбнулась. Ясно, чисто. Он почувствовал, что приближается к какой-то простой истине, которая не смотря на свою понятность и прозрачность почему-то все время ускользала, пряталась где-то. И он склонился над ней, касаясь губами шеи. Чувствуя, как ее рука путается в волосах, словно солнечные лучи в сосновых кронах. Он закрыл глаза только на секунду...

Ее рука дрогнула. Когда коснулась его шерсти снова в прикосновении чувствовалась боль. Он открыл глаза и чуть не заорал. Руки превратились в лапы, тело покрыла черная шерсть. Она же испугается, пронеслось в голове, надо обернуться.

Разбег был коротким. Он ударился о землю, но ничего не произошло. Внутри родился страх. Панический, животный, дикий. Второй удар был сильнее первого, но так же бесполезен. От третьего зазвенело в голове. Сквозь этот звон донесся старческий голос:

– Что ж ты наделала, девонька. Понесла от зверя лютого. От оборотня поганого.

От этого голоса внутри похолодело, застыло, будто стужей дыхнуло. Он снова и снова разбегался и бился лбом о землю, пытаясь снова стать человеком. Но тщетно...

– Понесла от зверя лютого...

В голове гудело болью.

– От зверя лютого. От оборотня поганого.

Удар. Еще удар. Стать человеком, вернуться. Он может. Он может. Удар. Еще удар. Вскоре боль залила все. Не осталось ничего кроме этой боли, только темное, липкое, влажное напозло на глаза, застлало взор кровавой пеленой.

– Не роди, девонька. Я тебе отварчик дам. Не роди.

И в этом было что-то страшное. Потому что под удар попадала жизнь жизнью еще не ставшая. И он снова почувствовал руку, которая гладила по волосам, утешала. Себя ли? Его ли?

– Не роди. Я тебе отварчик дам.

На шкуру закапало влажной горячей болью. Он хотел утешить, хотел утолить печали, унять слезы ее, но не мог. Зверь лютый, оборотень поганый. А она гладила его по разбитой в кровь голове и плакала. А потом он перестал чувствовать ее руку. Перестал чувствовать ее, потому что ее больше не было.

Она лежала в лесной реке лицом вниз. И вода пыталась смыть, унести ее золотые волосы, спрятать их где-то глубоко в своем сердце. И он завыл. Пронзительно, навзрыд. Так, как воеет потерявший жизнь, но не умерший. Потому что потерял жизнь, но не умер. Зверь лютый, оборотень поганый.

Боль была теперь не только в голове. Боль была в груди, словно пронзили каленым железом. И во всем теле, будто привязали к колесу и переломали все кости. Сломали руки, ноги. Крылья вырвали. Лишили жизни, но не дали смерти.

Света больше не было. Его накрыла темнота. Мрак веков пронизанный болью. И он метался в этом мраке, рыча, когда боль становилась нестерпимой. А потом снова появился старческий голос. Тот, что был повинен во всех лишениях.

– Человека из тебя делать буду, – поведаль голос.

Как? – захотелось закричать ему. – Я боль. Я зверь! Во мне не осталось от человека.

Но голоса тоже не осталось и он не смог ничего сказать.

– Уймись, – сердито пробурчал старческий голос. – Итак против себя иду. На горло себе наступаю. Для дела только. Так не зли меня своими метаниями.

И тогда что-то произошло... что-то невозможное.

– Вставай, Кот. Поднимайся, времени нет.

Он открыл глаза. Над головой был белый потолок со странным светильником, окруженным лепниной. Рядом высился диван. Кот вспомнил, что решил спать на полу. Диван показался больно мягким и не удобным. Где он?

Тело послушно пришло в движение. Рывком вздернул себя на ноги. На две ноги. Подошел к окну, выглянул. Вокруг шумело и двигалось нечто, названное старухой городом.

– Тебе здесь жить.

Кот резко обернулся. Старуха стояла в дверях, как и вчера скрестив руки на груди.

– Привыкай, – жестоко добавила она. – Только с ума не сойди.

– Не дождешься, – огрызнулся Кот отметив, что голос слова не тянет и не рычит без надобности.

Он снова становился человеком. Потеряв все родное, что у него было. В чужом мире. В чужом времени. Зачем?

Кот освоился довольно быстро. Из отеля, правда, старался пока не выходить, зато долго смотрел телевизор. С телевизором и бытовой техникой справился легко, стоило только объяснить, что это как чародейство. Те же силы природы задействованы, что и в магии, только по другим законам вертятся. Услышав это, оборотень перестал относиться к технике с опаской и начал проявлять любопытство.

Современным фильмам предпочитал новости, считая, что они больше расскажут о мире. А о людях он и без того знает. И он узнавал мир. Правда, президента по-прежнему называл князем. И очень долго хохотал в голос, когда наконец понял, что бумажки в мешке, который пер от зоопарка – деньги. Старуха следила за риготанием, переходящим чуть не в истерику, стоически, наконец поинтересовалась: чего смешного?

Кот смеяться перестал, пожал плечами и с абсолютно серьезным видом сообщил:

– Не прошло и тыщи лет, как золото-серебро приобрело свой истинный облик.

Не смотря на всю свою загадочность и мудреность старуха оборотня не поняла, что взвесило его еще больше.

Прошло две недели, прежде чем Кот решился попроситься выйти в город.

– Не рано? – скептически воззрилась на него старуха. – Там днем – не то, что ночью.

– Знаю, – не стал спорить оборотень.

– Откуда?

Кот молча кивнул на телевизор.

– Хорошо, – не стала спорить старуха. – Иди.

– Денег дай.

Старуха молча вытащила из пакета толстую банковскую пачку.

– Здесь сколько? – заинтересовался Кот.

– Тебе хватит. Менять не надо. Это русские, их тут везде принимают. Считать-то умеешь?

– Не глупей других, – фыркнул оборотень. – Не бойсь, старая. Все будет в порядке.

– Там милиция, проверка документов, – проворчала старуха. – А у тебя ни то что паспорта, удостоверения завалящего нет.

Кот поглядел на старуху с затаенным задором.

– Нешто ты думаешь, старая, что я с княжскими гриднями не договорюсь?

– Не те нынче гридни.

– И я не тот. Но разговор у меня если что тот самый будет.

Город поражал воображение. Он решил не наматывать круги, изучая «старый город», а выбрал направление и пошел по прямой. Странного вида постройки и люди в центре, сменились еще более странными ближе к окраине. Словно платок с узорчатой серединой и некрашеной тканью по краям.

Старые пыльные дома-крепости, столбы с огнями, столбы с огромными крикливыми картинками и буквами. На картинках все от телевизоров, до срамных девок. И шум, и толкотня. Потом старые дома сменились постройками помоложе. Эти были высокими, угловатыми и вообще не походили ни на дома, ни на терема.

При том, что видел в телевизоре и тогда, посреди ночи, когда бежали из зоопарка, к сумасшествию большого города Кот оказался не готов. Воздух был тяжелый, не просто наполненный, а переполненный шумами и запахами. Вокруг все время мельтешило, рябило, рассеивая внимание, отвлекая от чего-то.

Ему сделалось жутко. От всего этого гнета хотелось бежать без оглядки, вырваться за пределы, уйти в лес, залезть поглубже в чащу. Но сколько не шел выбранной дорогой, леса видно не было. Лишь иногда попадались чахлые, свихнувшиеся от безумства окружающей среды, деревца.

Вскоре пришла мысль, что в этом городе нельзя жить. Можно только бороться за выживание. Мимо в одну и другую сторону неслись люди. Плохо одетые, хорошо одетые, странно одетые. Но все куда-то спешащие. Без оружия, но вооруженные таким зарядом агрессивности, что одного взгляда на лицо было достаточно, чтобы волосы начали подниматься дыбом, а в груди зародилось рычание.

Возможно они были не плохими, для кого-то хорошими и добрыми. Но на суровых лицах читалась готовность рвать в клочья, если понадобится вцепиться в глотку, загрызть насмерть. И не ради жизни, а ради каких-то странных вещей, картинками которых были завешаны огромные щиты, расставленные вдоль дороги.

Бедные злые люди, подумал он. Кто тот враг, что отнял у вас лес, отнял тишину, отнял покой и гармонию? Кто тот страшный жуткий урод с искалеченной душой, что согнал вас в одну большую кучу, сделал злыми и мелочными? Слабыми и злыми, как буроzubки.

От этого сравнения кинуло в жар. Оборотень бросился по лестнице вниз, через переход, на другую сторону. Может быть там будет легче... В переходе его встретила еще большая толкотня. Палатки торгашей вдоль стены, пестрые ненужные безделушки ровными рядами. И

среди этого пестрого безобразия привалившийся к стене грязный, опустившийся старик. Но суетящиеся мимо люди будто не замечали его. А он сидел с протянутой грязной рукой и плевал под ноги идущим мимо.

Кот хотел было подойти к старику, но на пути встали пара молодых ребят.

– Мужик, мелочи не будет?

Он не ответил, лишь зыркнул на молодых здоровых парней так, что те, тихо извинившись, растворились в толпе. Ноги сами понесли наверх, захотелось чистого воздуха. Но и наверху его не было. Другая сторона улицы только называлась «другой». На самом деле все здесь было точно так же.

Желание спрятаться, хоть на мгновение забиться в угол, передохнуть от безумия царящего вокруг, стало невыносимым. И он рванулся в ближайший магазин.

В магазине было тихо и безлюдно, особенно если сравнивать с уличной суетой. Дверь закрылась с предательским треньканьем. Кот обернулся. Над дверью висел, подрагивая, колокольчик. Подвешен был так, что войти или выйти незамеченным было невозможно.

– Вы что-то хотели? – поинтересовался сзади мягкий мужской голос.

Оборотень затравленно обернулся. Перед ним стоял крепкий бородатый мужик в кожаных штанах и черной рубахе. На голове у мужика была намотана пестрая тряпка. Кот окинул взглядом пространство магазина. Вокруг стояли вешалки с мешковатыми костюмами цвета леса. Вдалеке на стене виднелись полки с тяжелыми ботинками.

– Переодеться, – быстро отозвался Кот.

Костюм он подобрал почти сразу. Штаны и рубаха не сковывали движений и были снабжены массой карманов, которые избавляли от необходимости тащить что-то в руках. Он закатал рукава, упрятал штанины в тяжелые высокие черные ботинки. «Обувь американского спецназа», как объяснил бородатый. Со шнуровкой этой обуви правда пришлось повозиться, но сообразил быстро, затянул как надо. Ботинки сели как влитые.

Из-за вешалок высунулась бородатая рожа, помахала рукой.

– Все в порядке?

– Даже лучше, – кивнул Кот.

– Расплатиться можно здесь, – поманил продавец.

Кот вышел к кассе. Когда доставал деньги, взгляд зацепился за полку под стеклом. Здесь лежали разного вида ножи. Внимание привлекли массивные черные клинки. Он потянулся за одним из них, рука ткнулась в прозрачное твердое стекло.

– Что, ножик приглянулся? – поинтересовался бородач.

– Дай-ка вот этот глянуть.

– Смерш три, – непонятно сообщил торгош, доставая клинок.

– Имя что ли у клинка такое? – догадался Кот.

– Оно самое, – усмехнулся торгош в бороду.

– Нож не меч, кто ж им имена дает?

– Завод-изготовитель, – расхохотался продавец. – Странный ты мужик.

Слушать, а тем более дискутировать о своих странностях Кот желания не имел. Потому молча сгреб с витрины клинок. Ручка легла точно по руке. Пальцы обожгло давно забытым чувством. Оборотень взмахнул рукой, пытаясь вспомнить движение. Вышло паршиво, коряво, словно у курицы, которая захотела взлететь. Сзади хохотнул бородатый. Не обращая на него внимания, Кот сделал второй взмах. И тут же понял свою ошибку. Стараясь исправиться, отключил разум, заставляя тело двигаться на рефлексах. Память у тела лучше, чем у головы. Если вспомнило, как ходить на двух ногах и говорить по-человечьи, значит, и остальное вспомнит.

Рука легким движением ушла вперед, рванулась вверх. Удар справа, обратно слева. Обманка. Он не заставлял больше себя двигаться, скорее почувствовал, как вслед за рукой заработал корпус. Выпад, шаг в сторону, тело уходит от встречного удара. Рука сама собой рвется вперед.

Кот остановил движение, глянул на торгаша. Резким, но легким, словно невесомым ударом загнал клинок лезвием точно в щель между витринами. Бородатый по поводу витрины возмущаться не стал. На покупателя смотрел теперь по-новому, со смесью любопытства и уважения.

Оборотень поглядел на витрину, ткнул пальцем в соседний клинок.

– Этот.

Бородатый ловко вытащил из-под стекла другой нож, подкинул на ладони и лихо метнул покупателю. Тело отклонилось в сторону, рука метнулась навстречу летящему ножу, сдержнула его с намеченного пути.

Кот с прищуром глянул на продавца. Не прост борода. Не такой валенок, как показалось. Знает, чем торгует. Прорезиненная рукоять легла намертво. Черное толстое лезвие смотрелось теперь, словно грозный коготь, который по какой-то причине заменил человеку кисть.

– А этого как звать?

– Гюрза, – отозвался бородатый. – Если был бы с гардой, считай боевой. А так вроде как разделочный. Мяско резать, хлебушек пилить. Разрешения на ношение не требует.

– А это мне, мил человек, по барабану. Главное, чтобы тебе это продавать можно было. А уж разрешение на ношения я сам себе дам.

Кот снова сделал выпад. Один, другой. Лезвие дернулось точным ударом, легко сверкнуло, уходя по касательной. Выпад, обманка, выпад. Разворот. Кот двигался так, что на него хотелось смотреть, как на профессионального танцора, что исполняет сольную партию. Движения оборотня были мягкими, гладкими. Он словно играл, но каждое такое игривое движение, каждый выпад был выверен и просчитан до миллиметра. Танец одиночки завораживал, притягивал. И партнера в этом танце у Кота не было и быть не могло, потому что каждое движение для любого партнера обернулось бы смертью.

Бородатый смотрел на кружащего перед витриной Кота с той зачарованной любовью, с какой змея смотрит на факира с дудочкой. Оборотень сделал последний выпад. Повернулся к прилавку, но нож не бросил, задержал в руке.

– Понравился, – улыбнулся бородач с каким-то новым оттенком. – Вижу, что понравился. Берешь?

– Беру, – кивнул Кот. – И первый тоже. Сколько там с меня?

– Все вместе, – продавец застучал пальцем выбивая и суммируя что-то на кассе.

Кот молча положил перед ним банковскую пачку с тысячными бумажками.

– Сам отсчитай сколько надо.

Бородатый поглядел с еще более уважительным оттенком. Молча отсчитал купюры, сделав пачку заметно тоньше. Тренькнул кассовым аппаратом, сунул чек и сдачу.

– Не надо, – покачал головой оборотень.

Бородатый пожал плечами, достал какие-то бумажки и пакет, протянул Коту.

– Это документы на ножи. А здесь ваш костюм, в котором вы пришли.

Оборотень глянул на мешок, в котором упокоился заказанный старухой по какому-то каталогу адидасовский костюм, покачал головой.

– И этого не надо. Оставь, может сгодится. А не сгодится, выброси.

Бородатый пихнул мешок под прилавок, туда же сунул чек, сдачу и документы.

– Если передумаешь, заходи, – пояснил Коту. – Здесь лежать будет.

– Не передумаю.

Он развернулся и пошел к выходу. Уже у дверей его нагнал голос бородатого торгаша.

– Погоди.

Кот остановился, повернулся с ленивой грацией. Бородатый вышел из-за прилавка, поспешно подошел к оборотню. Заговорил тише, чем прежде.

– Ты откуда такой вообще?

– Издалека.

– А сюда на долго?

– Как получится.

– От чего зависит? – борода прищурился.

Оборотень передернул плечами.

– Пока не помру.

– Умирать пришел?

– Пришел, потому что позвали. А умирать... Как получится.

Бородатый совсем понизил голос, перешел на шепот.

– Ты это... Если посерьезней чего понадобится, обращайся. Есть возможность. Правда без документов. Но тебя это, я вижу не заботит.

Кот окинул взглядом продавца и подмигнул:

– Я подумаю.

Прогулку на этом решил закончить. Назад возвращался уже спокойнее. Не то пообвыкся, не то с двумя ножами и в удобной одежде почувствовал себя увереннее.

Старуха встретила недовольная.

– Где ты столько времени? Я уж не знала чего думать.

– А ты бы на кофейной гуще погадала, – ядовито посоветовал Кот. – Или на бараньей лопатке. Тут бы и узнала где я и что со мной. Или уж и на это кишка тонка?

– Поговори еще, – проворчала старуха, но спорить не стала.

Прошла в номер, к столу. Там уже стоял заказанный в местном ресторане обед. Кот сел к столу, втянул носом пряные ароматы. Рот наполнился слюной и оборотень схватился за ложку, принялся за суп.

– Ты, старая, я гляжу, кучеряво живешь, – сказал между делом, хлюпая бульоном. – Я сегодня по городу походил, поглядел. Честно сказать, удивился. Ты ж всегда в глуши по избышкам на курьих ножках. А тут в самом центре города. Да не просто города – столицы. Не ожидал.

Старуха размочила в дорожном супе хлебный мякиш, отозвалась с той же неспешностью, с какой принялась за еду:

– Никто не ожидает. Потому мы и здесь. Но долго тут торчать нельзя, прав. Скоро настоящие дела пойдут, тогда прятаться надо будет. Я уж присмотрела квартиру на окраине. Хозяева на даче живут, квартиру сдают. Там и поселимся. И от властей и прочих любопытных далеко, и к тому, кто нам нужен близко.

Старуха поглядела на оборотня, выловила из супа раскисший хлеб, принялась жевать. Кот вопросов не задавал. Ждал когда сама говорить начнет.

– Ты, я вижу, уже собрался.

– Не совсем, – отозвался Кот, доедая суп и отставляя тарелку. – Мясо есть?

Старуха кивнула на блюдо с чем-то обильно залитым соусом. Оборотень потянулся, придвинул к себе, втянул ноздрями аромат.

– Сегодня вечером, или завтра съезжу в одно местечко, подготовлюсь как следует. Чем резать есть, будет и из чего стрелять.

– Смотри чтоб тебя не загребли, – брюзгливо проскрежетала старуха. – В каталажке ты мне без надобности.

Кот замер, пристально посмотрел на собеседницу.

– А где с надобностью?

Вместо ответа старуха с сопением принялась за очередной кусок раскисшего мякиша. Кот ждал, наконец, не выдержал.

– Может, хватит темнить? Скажешь, на кой черт я тебе понадобился? Ведь понятно, что не из любви к живой природе. Ты ж мне Василису ни в жизнь не простишь.

– Ты мне ее тоже не простишь. И то что зверем тебя сделала, поди, не забудешь. А позвала, потому что нужен. Враг на Руси.

Кот фыркнул.

– Это американцы что ли? Или эти... башибузуки с зеленым знаменем? Хочешь, чтобы я против них войну начал?

Старуха прикончила получившуюся из «супчика от шеф-повара» похлебку. Цыкнула зубом.

– Не тот враг. Калинов мост помнишь?

Кот отстранился от мяса. Глаза стали бешеными, волосы встопорщились. Осталось только спину выгнуть и зашипеть – вылитый зверь получится.

– Неужто прорвало?

– Пока нет, – покачала головой старуха. – Но скоро прорвет. Мне видение было. И не одно. Уж лет семнадцать как маюсь. Жду и сделать ничего не могу. Потому тебя и вернула. Современные, они по науке и технике живут. Правды не знают, покона не помнят. Ну, кинут туда пару взводов спецназа, так от того же только хуже будет. Мы с тобой единственные, кто знает как мост защитить.

Кот рычаще расхохотался. Холодно, жестоко, безжалостно.

– Что ж ты думаешь, старая, мы с тобой вдвоем всю ту мерзость удержим? Я уж и не помню, с какой стороны за меч браться. Ты без своих рисунков уже и колдовать не можешь.

– Ту сторону держать будут. Сдюжат. Не такое переживали. А на этой стороне мы с тобой. Я еще кое-чего могу. И ты не брешь. Меч тебе вряд ли понадобится, а ножи, гляжу, уже прикупил.

– Пусть с ножами, пусть еще с чем... Вдвоем не сдюжим.

– А втроем? – поспешно вставила старуха.

– Третий кто? – сощерился Кот.

– Милонег, – коротко бросила старуха.

Лицо оборотня исказило болью. Когда заговорил, голос звучал зло и глухо.

– Плохие шутки, старая. Я его мертвого на руках держал. Сам ему глаза закрывал. Еще тогда, под Киевом, когда он супротив князя полез и супротив побратима вышел...

– Он на той стороне остался, – оборвала старуха. – А уж как из мира мертвых в мир живых человека перетащить, так то не тебе меня учить, зверь. Сейчас он здесь. Но тело другое и память спит. Память я ему верну, когда пора придет. А тело тренировать ты будешь. Понял? А как начнется, так будем втроем мост держать. Может, к тому времени еще чего придумается. Пока мне Милонег нужен. И ты с настроением поболе.

Кот заметно успокоился. Пока слушал, вернулся к тарелке с мясом. Сказал отстраненно, глаз не поднимая:

– Понял я, что тебе нужно. Жить устала, угробиться решила. И меня угробить заодно.

– Не заодно. За Русь.

Оборотень хмыкнул.

– Понятно, что за Русь. За князя я не воюю, за тебя тем паче. Только Русь сегодня странная. Не пойму я как за правду биться, когда неправда одна кругом. Вроде как мы с тобой, старая, на светлой стороне, а по сторонам поглядишь – уж больно она темная.

– А ты не философствуй. Ты дело делай. А там, боги дадут, увидим кто светлый, кто темный, а кто...

– Мертвый, – закончил за нее Кот. – Спасибо тебе за хлеб, за соль, старая. Пойду я.

- Куда? – встрепенулась старуха.
- Готовиться. Прикупить кой-чего надо. Ты лучше денег еще дай и побольше. И вот еще... Сегодня поздно, а завтра учить меня будешь.
- Чему? – не поняла старуха.
- Читать. Новой грамоты не разумею. А без нее сейчас труднее чем прежде.

Из города выехали уже по темноте. Бородатый, которого, как оказалось, звали Игорем, сперва ехал прямо по серой покрытой асфальтом дороге, потом куда-то свернул. Здесь дорога была почти привычная – простые разбитые колесами колеи. Машину подбрасывало на кочках, и Кот придерживался рукой за потолок.

– Там ручка есть, – усмехнулся бородатый Игорь. – За нее держаться удобнее.

Оборотень повел рукой в сторону. Ручка нашлась почти что сразу. Он благодарно кивнул.

Фары выхватывали редкую куцую растительность, грязные лужи в особенно разбитых местах, булыжники. Один раз чуть не напоролись на кусок металлической трубы, торчащей прямо из дороги под странным углом. Игорь пробубнил что-то про отсутствие порядка на широких просторах необъятной родины и дал руля в сторону.

Вскоре дорога закончилась. Уперлась в высокие железные ворота синюшного цвета. Каждую воротину украшала большая красная пятиконечная звезда.

Бородатый притормозил, заглушил мотор и погасил фары.

– Подожди здесь, – велел уже вылезая. – Скоро вернусь.

Кот кивнул. Когда за Игорем захлопнулась дверца, прижался к стеклу, вглядываясь в темноту. Фигура метнулась от машины к воротам, но ворота не раскрыли. Отворилась небольшая калиточка, в которую и прошмыгнул бородатый.

Он оторвался от стекла, потихоньку приоткрыл дверцу и прислушался. Тишина была насыщенной. Ее нарушал и стрекот насекомых, и шебуршание полевых, и ночные птицы. Больше всего шума создавали люди за высокой стеной, хотя они явно старались вести себя тихо.

Притворив за собой дверцу, Кот двинулся к деревьям. Походка его была мягкой, едва уловимой. Зверье его безусловно чувало, но человек привыкший к городу не услышал бы его шагов, даже если б очень постарался.

Слившись с кустами он ускорил шаг. Через несколько скачков перешел на бег. Разбег был коротким, а удар глухим. Тело заныло, меняясь. Он взрыкнул, ловя давно забытое ощущение. Сколько лет не мог обернуться по собственной воле. Порой казалось, что так и помрет зверем. Но смерть не шла. Потом, когда ему вернули человеческое обличье, вздохнул с облегчением, но тут же родилась тревога. А вдруг не сможет перекинуться сам?

Сейчас волнение прошло. Пришло осознание того, что он все тот же. Кот ускорил движение. Мышцы приятно заныли. На четырех ногах не двигался уже несколько недель, а сколько не бегал и вовсе не упомнишь. Но злоупотреблять не стал. Пробежав метров пятьсот повернулся и потрусил обратно.

Перекинулся. Наскоро оделся и вышел, поправляя штаны. Как раз вовремя. Игорь уже стоял у машины.

– Ты куда ушел?

– До ветру, – легко отозвался Кот.

– Садись. Едем.

На этот раз им распахнули ворота. Но как-то боязливо. Приоткрыли, впуская машину и тут же затворили. Игорь ехал медленно, словно крался. Фары так и не включил. Въехав в крепость, как окрестил для себя оборотень воинскую часть, бородач свернул за ближайший барак и еще долго петлял между какими-то темными низкими постройками.

От ближайшего строения отделилась тень, махнула рукой. Игорь быстро вылез из машины.

– Чего сидишь? Идем.

Кот поспешил следом. Бородатый очень старался идти тихо, но получалось это у него крайне плохо. Но он так старался, что чуть не лопался от натуги. Эта старательность развеселила оборотня и он тихонько фыркнул.

Внутри их ждали. Пожилой мужчина, пропахший железом, маслом и порохом. Свет в помещении был тусклый, грязно-желтый, но мужчина все время щурился. Не то никак не мог привыкнуть с темноты, не то попросту страдал плохим зрением.

– Чего надо? – хрипло поинтересовался мужчина.

Игорь поглядел на Кота, мол, хозяин барин. Кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Оборотень стушевался. Хоть и успел кое-что узнать о современном оружии, но заказывать был явно не готов.

– Хочешь калаша в солидоле? – подтолкнул мысль пожилой. – Ящик водки, и он твой. Еще ящик и пару рожков к нему подгоню.

Оборотень покачал головой.

– Нужно что-то мощное, и не громоздкое. Чтобы можно было незаметно таскать с собой.

Пожилой поскреб затылок:

– Я тебе под такое описание пол склада подгоню.

– Вот и гони, – посоветовал Игорь. – А мы выберем.

Хозяин снова поскреб затылок, кашлянул и пошел в сторону дальней двери. Игорь повернулся к Коту и улыбнулся.

– Ты его озадачил, – сообщил шепотом.

Оборотня не было очень долго. Она уже и впрямь собралась глядеть где он и что с ним. Не на бараньей лопатке, конечно, но...

В дверь постучали. Резко, настойчиво. Необходимость в гаданиях исчезла сама собой. Она вышла в холл. По ощущениям за дверью был зверь. Но не один. Интересно. Замерев в дверях, крикнула:

– Не заперто.

Дверь распахнулась, впуская двух мужчин. Оборотень в самом деле пришел не один. С ним был крепкий бородатый мужичек в косухе и бандане. Эдакая смесь карибского пирата с московским байкером.

– Это Игорь, – представил оборотень попутчика.

– Здравствуйте, – проявил неожиданную вежливость бородач.

– Это старая, – продолжил церемонию представления Кот. – С ней можно на ты. Незачем баловать.

– Слушай, Кот, – перебил Игорь. – Я так не могу. Меня от погонял коробит всю жизнь. Тебя я еще могу Котом называть, если хочешь. А бабульку... Ну есть же у нее имя... отчество...

Бородатый замаялся. Она смотрела на него с интересом. Странное сочетание социального протеста с внутренним консерватизмом.

– Его на самом деле так зовут, – улыбнулась она. – Всю жизнь Котом кликали. Сколько помню. А я не бабулька, так что со мной можешь не церемониться.

Игорь странно посмотрел на нее, повернулся к Коту:

– А кто?

Кот молчал. Она перевела взгляд с бородатого на оборотня.

– Он нам нужен? – спросила тихо.

Тот коротко кивнул. Игорю эта мизансцена явно не понравилась. Он как-то засуетился, переводя взгляд с одного на другого.

– Эй, – позвал робко. – Вы о чем?

Неуверенность эта развеселила старуху. Она хрипло рассмеялась и поглядела на Игоря бесноватыми глазами, каких не было у нее уж лет двести.

– Хочешь знать кто я?

Она щелкнула пальцами, губы легко прошелестели слово, наводя морок. У бородатого отвалилась челюсть. И было от чего, уж она-то знала. На том месте, где мгновение назад сутулилась дама преклонного возраста, сейчас беззаботно улыбалась девушка лет двадцати с ослепительными формами обтянутыми вечернем платьицем. Она сделала пару шагов, девушка приблизилась к несчастному Игорю, эротично покачивая бедрами. Тот попятился.

– Да, – протянул стоявший в стороне Кот. – Кое-что еще можешь.

Замечание оборотня привело в бешенство. Морок навести может кто угодно. Для этого и волшбы не надо. Есть всякие травки, грибочки, которые такие фантазии высвобождают и делают реальными, что ни один морок рядом не стоял. Она зло щелкнула пальцами. Бородатый вздрогнул, словно ему отвесили смачную пощечину, заморгал часто-часто.

– Я не бабулька, – сердито проворчала старуха. – Ведьма я. Ведунья. Хочешь так зови. Хочешь старой называй. Хочешь, Ягой, как прежде кликали.

– Яга? – тупо переспросил Игорь.

– Яга-яга.

Игорь повернулся к своему покупателю.

– А ты значит Кот?

– Кот, – кивнула старуха и повернулась к оборотню. – Покажи ему фокус.

– Не удобно как-то, – помялся оборотень.

– Не удобно нужду справлять в почтовый ящик. Высоко и сбоку, – грубовато отозвалась Яга. – Давай-давай. Сам его притащил, сам и показывай. Если он нам в самом деле нужен, то должен знать и понимать с кем он и за что.

Оборотень пожал плечами, отошел на свободное пространство, коротко пробежался в два скачка и, подпрыгнув, кувырнулся на пол. На какой-то момент ей вдруг показалось, что не хватит разбега, силы не хватит. Что человек просто расшибет себе башку об пол. Но опасения оказались напрасными. Превращение было молниеносным. Посреди комнаты стоял огромный черный кот, похожий на пантеру, но крупнее. И глаза у него были более дикими, чем у всех хищных кошек вместе взятых.

Зверь нервно передернул хвостом из стороны в сторону. Скосил желтый глаз на старую ведунью, вопросительно рыкнул. Она поглядела на Игоря. Тот стоял бледный и, кажется, не мог двигаться. Хватит с него впечатлений.

– Достаточно, – кивнула старуха оборотню.

Зверь медленно пошел по кругу. Сперва вальяжно, потом все больше и больше набирая скорость. Наконец сделал рывок и кинулся об пол. Смотреть, как треснется головой об пол, она не стала. Что обратное превращение произошло поняла, когда услышала сзади недовольный голос:

– Это последний раз. В другой будешь думать как объяснить тоже самое словами.

– Наглядно всегда доходчивей, – не согласилась старуха.

– Вот сама и трясись мудями наглядно. А я этой показухи не люблю, – недовольно пробурчал Кот натягивая штаны.

Что-то ощутимо грохнулось. Кот поднял голову и язвительно ухмыльнулся:

– Вон она, твоя наглядность.

Старуха повернулась к Игорю. Бородатый валялся на полу в холле двухместного люкса без сознания.

Игорь сидел в кресле и пил горячий чай маленькими глоточками. Он скинул косуху и снял бандану отчего схожести с пиратом-байкером поубавилось. Сейчас он вызывал скорее умиление. Особенно когда по-детски причмокивал, делая очередной глоточек.

– «Ночной дозор» смотрел? – спросила у бородатого старуха.

Тот молча кивнул.

– Так вот всего этого нет. Нет никаких вампиров и магов, нету борьбы и договоров между ними. Нет дозоров и Завулونا с Гессером. И борьбы темных со светлыми в этом понимании тоже нет.

Кот и Игорь отреагировали одновременно.

– Что за дозор такой? – заинтересовался оборотень.

– А в каком есть? – уточнил бородатый.

Старуха отмахнулась от Кота, мол потом объясню, и повернулась к Игорю.

– В том самом, первозданном. Сказки в детстве читал? Былины там всякие. Есть такой Калинов мост. К нему приходит герой, кого-то рубит и уходит. Кого рубит? И что такое этот мост?

– И что такое? – эхом отозвался Игорь.

– Портал. Точка перехода из мира живых в мир мертвых.

– Не так ты объясняешь, старая, – поморщился Кот. – Из мира живых в мир мертвых и без моста можно попасть. Разок по темени шарахнуть и ага! Ты уже в мире мертвых.

– Уйди, – цыкнув на него старуха и снова обратилась к Игорю. – Мост это точка перехода из мира живых в мир мертвых и обратно. По этому мосту можно попасть в нижний мир и вернуться. Все, кто когда-либо спускались в мир мертвых и приходили обратно пользовались мостом. Либо услугами яги.

– А при чем здесь вы?

– Не я. Яга это не имя собственное, это... – старуха на секунду задумалась. – Как должность. Яга – проводник. Я одна из немногих, кто может без помощи моста проходить в мир мертвых.

– А как? – заинтересовался Игорь.

– Не твоего ума дело, – оборвала старуха. – О другом сейчас. Так вот мост – это переход. Но по нему не только отсюда туда можно попасть, но и оттуда сюда. Время от времени, когда тьма набирает силу, нечисть из мертвого мира пытается прорваться в мир живых. Если прорвется, будет... – старуха задумалась, подбирая слово. – Очень плохо будет. Мир в том виде, в котором мы его знаем прекратит существовать. А может и вовсе прекратит существовать. Потому, когда нечисть набирается сил и рвется наружу, к мосту приходит герой и рубит нечисть. Как в сказках. Они ведь не на ровном месте писались.

Игорь отставил чашку, ухватил рукой бороду, в задумчивости потянул ее так, что в какой-то момент показалось – выдернет с корнем.

– А чего плохого от того, что мертвые вернуться? Воскреснут и ладно. Или они будут как живые мертвецы в кино?

– Никто не знает, что и как будет, потому что ни разу оттуда никто не прорвался. Воскресить человека можно, но за душу вернувшуюся в этот мир должна быть отдана плата. Из этого мира тоже уходит душа. Так испокон веков было. Это равновесие, понимаешь? Если равновесие нарушить, впустить всех сюда бесплатно... Сказать, что именно случиться трудно, но хорошего в этом мало. Потому всегда должен быть герой, который рубит нечисть. Та самая борьба света и тьмы. Только светлых, которые будут что-то делать, а не скажут «ну и пусть себе мир летит к черту» все меньше. Потому, наверное, они и напирают. Миры они ведь между собой крепко связаны.

Бородатый поглядел с сомнением.

– Что ж они, по расписанью прут? Откуда знаешь, что прямо сейчас никто не вылезет.

– Там на мосту, – встрял-таки Кот. – Всегда оборону держут. Но не всегда удержать могут. Когда тьма набирается сил, мост проявляется в нашем мире и нужны силы мира живых, чтобы удержать защиту.

– А откуда узнать, когда он проявится?

– Много вопросов задаешь, – фыркнула старуха.

Кот кивнул на Ягу, пояснив:

– Она чувствует. Предвидит.

– А те, которые на мосту... Кто они?

Старуха поднялась из-за стола, нависла над Игорем и сказала с нажимом:

– Неравнодушные. Много будешь знать, плохо будешь спать.

Развернулась и вышла. Кот поглядел ей в спину, прикрыл дверь и вернулся в комнату. Заговорил тихо.

– Те, которые на мосту оборону держат... они тоже мертвые. Только они, умерев, не провалились в беспамятство, не ушли в новый мир в поисках новой лучшей загробной жизни. Они имели столько силы, мужества и чистоты, что сохранили память о земной жизни и сумели остаться на мосту. Это великие люди.

Игорь встал. На Кота смотрел рассеянно. Наконец выдал:

– Ну, а от меня то вы чего хотите?

– Помощи. Нужна машина. Оружие. Кроме того, я не умею стрелять. Луком владею, пращей, но все эти железяки, которые мы с тобой купили, для меня загадка. Кто научит? Не старуха же. И потом, когда время придет, нужна будет помощь.

– А с чего ты взял, что я буду рисковать своей шкурой ради какого-то моста, пусть даже все это приведет к концу света? – Игорь пристально поглядел на оборотня.

Тот усмехнулся, словно ученик, который вместо каверзного вопроса по математическому анализу услышал: «сколько будет дважды два?»

– Это просто, – объяснил он. – В тебе больше света, чем тьмы.

Из гостиницы они съехали на следующий день. Но Игорь проявился только через неделю. В тот вечер он ушел пожав руку Коту и вежливо попрощавшись со старухой. Уже в дверях сообщил, что ему надо думать. Оборотень пошутил, дескать думать надо всегда, но бородач был серьезен, и Кот решил его не беспокоить.

Игорь появился сам через неделю. Позвонил по телефону, хотя номера знать не мог. На вопрос в лоб только рассмеялся:

– Сами ж говорили, что съезжаете. И адрес называли.

– Только улицу, – уточнил Кот.

– Только, – фыркнул в трубку Игорь. – Как будто на той улице много народу квартиры сдает и еще больше неделю назад постояльцев сменило. Адресок нашелся почти сразу. Ну а телефон по адресу узнать вообще не проблема. Главное, знать у кого спрашивать.

– А ты знаешь.

– А я знаю, – согласился Игорь. – У метро встретишь? А то плутать по району одному не охота.

– А чего не на машине?

– Днем через весь город на машине? Я что – похож на самоубийцу? И потом жарко, я пива хочу.

Кот встретил его у метро через час. Игорь был доволен жизнью и не смущаясь общности места пил пиво из бутылки. На предложение поддержать компанию, оборотень ответил категорическим отказом:

– Не люблю я пиво. У меня от него голова пустая становится.

Игорь пожал плечами.

– Была бы честь предложена. Тогда веди, Сусанин.

«Сусанина» Кот не понял, но уточнять не стал. Уже привык, что вокруг бросаются непонятными словечками, изречениями каких-то деятелей. Манера поминать к месту и не к месту чужие изречения казалась ему странной. В былые времена один умный ссылался на другого редко, да и то сто раз подумавши. Теперь же цитатами сыпали все и всюду. Причем повторяли не только и не столько умные за мудрыми. Цитировали дураки шоуменов. Все равно как шут на базарной площади отпустил шутку ниже пояса, а весь базар потом ее неделю пересказывает. Но если с дураками на базаре все было понятно, то здесь и сейчас... Не говоря даже, а повторяя безумные глупости народ придавал себе столько значимости, что становилось смешно и грустно.

Повернув от метро налево, быстро прошел мимо вереницы торговых палаток, перемахнул через дорогу и нырнул во дворы. Здесь было тише и зелени больше, чем возле дорогой гостиницы в центре города.

– Слушай, Кот, я вот думал тут... а сколько тебе лет?

Кот остановился и воззрился на Игоря. Последний раз этот вопрос ему задавали в лесах под Киевом до крещения Руси. Тогда он так и не смог ответить.

– Не помню. А что?

– Ну вы вроде как с бабулей живете... кхм... давно. Только она старуха совсем, а ты лет на сорок выглядишь не больше. Это как?

– Она баба, – ответил оборотень и потрусил через двор мимо хоккейной коробки и детских площадок. – А я зверь. Потом ты же видел, и она может быть молодой.

– Она придушивается, – Игорь допил пиво и поискал глазами мусорку. – А ты на самом деле.

– Придушивается, – согласился оборотень. – Только откуда ты знаешь когда она придушивается? Может, она на самом деле такая, а придушивается, когда старухой выглядит. Я вот не знаю. Вообще я ей не шибко верю.

Игорь сделал пару шагов в сторону, бросил бутылку в мусорный бак. Вернулся обратно.

– Так ты ей, значит, не доверяешь?

– Доверяю, – покачал головой Кот. – У меня выхода другого нет. Но не сильно верю и не сказать что люблю.

– Есть причина?

Кот кивнул.

– Расскажешь?

Оборотень нехотя посмотрел на бородатого, фыркнул.

– У меня была любимая женщина. Я ее потерял. Думал тогда все, не полюблю больше. Но случилось, полюбил. Ее Василисой звали. Бабкина внучка была. Я ее любил, она меня. А старуха на меня осерчала, дескать совратил девку зверь лютый. Так объяснить ничего и не дала, обернула зверем и в зверином теле заперла на сотни лет. А Василисе отвар дала, чтобы не рожденного нашего сына изничтожить. Василиса год слезы проливала, потом пошла к речке и утопилась. Вот и вся сказка. Потому нет у меня причин любить старуху, как и у нее нет причины меня любить. Василиса между нами. Мертвая Василиса.

Игорь слушал молча, хмурился.

– А что потом? Так больше никого и не полюбил?

– Потом, – лицо Кота стало жестким, словно окаменело. – Не было у меня потом. Потом я был зверем. И давай-ка ты меня больше об этом не спрашивай.

На последнюю просьбу Игорь только согласно головой мотнул, словно конь. Оборотень улыбнулся.

– Не печалься. Той сказке уж тыща лет. Столько даже память не живет, не то что люди. А история – она вечная. По кругу ходит и раз за разом повторяется. Пришли.

Игорь поглядел на бело-бордовую шестнадцатизэтажку. За ней уже поднимались новостройки. Где-то далеко за ними маячила густая зелень.

– А там что? – указал Игорь на далекие деревья. – Лес?

– Какой там лес, – отмахнулся Кот. – Так, три тополя да две березы. С этой стороны заходишь – город слышно, а поглубже зайдешь, уж до другого края дотопал. А там МКАД. Но ночью там пусто и под утро тоже. Можно подальше отойти, пристреляться. Никто не помешает.

Игорь кивнул.

В подъезде было прохладно и темно. Во всяком случае, после буйно палящего солнца, глаза к лампам дневного света привыкали долго. Окончательно зрение вернулось только в лифте. Оборотень нажал кнопку, лифт скрипнул хлипкими дверьми и натужно жужжа потащился вверх.

– Ого, – оценил бородатый. – Тринадцатый этаж. А квартира какая?

– Как какая, – прищурился Кот. – Шестьсот шестьдесят шестая, конечно.

– Серьезно? – выпучился Игорь.

– Нет, шучу.

В дверь звонить Кот не стал, открыл своим ключом. Хоть и знал, что старуха дома, но предпочитал никого не тревожить и ничем не обязывать. С порога бросил громко:

– Старая, нас уже трое.

И не дожидаясь ответа, не дав Игорю поздороваться с бабкой, поволок того на балкон. Распахнув створку остекления, ткнул пальцем в торчащий из зелени девятиэтажный дом.

– Видишь? Вон те окна.

– Ну.

– Там четвертый живет. Вот познакомлюсь с ним поближе и нас будет четверо.

– А ты с ним не знаком?

– И да, и нет, – загадочно отозвался Кот. – Иди со старухой поздоровайся, а то обидится и превратит в какое-нибудь непотребство.

Глава вторая

Олег

Москва. 2019 год.

Ребята выходили из зала после спарринга бодрые, переполненные эмоциями. В дверях задерживались, складывая руки в приветственном жесте.

– Ос, – привычно поклонился Олег.

– Ос, – отозвался учитель.

Олег вышел в коридор и уже расслабившись побежал к раздевалке. В душевой немного задержался, потому, когда добрался до их со Степкой шкафчиков, тот был уже одет и готов к отправлению во внешний мир.

– Привет, опозданец, – улыбнулся Олег. – Что за привычка на пятнадцать минут позже являться?

– Пятнадцать минут, это академическое опоздание, – деловито объяснил Степа. – Потом, это ты у нас идешь путем воина, а я просто на тренировки хожу, так что мне можно и опоздать. И, кстати, с днем рождения.

– С прошедшим, – поправил Олег, поспешно укладывая кимоно в пакет. – Вчера был.

Степа кивнул:

– Знаю. А ты опять не празднуешь?

– Зачем? – пожал плечами Олег и заперев шкафчик двинулся на выход из раздевалки. – Чего тут праздновать-то? Ну прожил человек еще год и не умер. Что это? Праздник победы над смертью?

– Традиция, – не согласился Степа. – Причем не самая плохая. Ты стал на год старше, лучше, умней. Почему бы не выпить по этому поводу.

– Старше – да, – кивнул Олег. – Лучше и умней это еще вопрос. А если тебе так приперло выпить на халяву, то поставлю я тебе пиво.

– С тебя пиво, с меня подарок, – подмигнул Степа. – Пошли?

Олег кивнул. По поводу дня рождения он ни разу не лукавил. Не прикрывался философией, «которой в семнадцать лет быть не должно, если только это не выпендрейж», как говорил отец. Он на самом деле никогда не любил этого праздника. А насчет философий... Иногда ему казалось, что где-то глубоко внутри него живет другая сущность. Много старше, много умнее. Просто до нее надо докопаться.

Потому, собственно, и пришел в эту каратистскую школу. Столкнувшись с каратэ Кёкусинкай, проникся биографией и околобуддистскими учениями Масутацу Ояма и решил, что это достойный путь для того, чтобы докопаться до сути.

Степа, который сам притащил бывшего одноклассника на эти тренировки, смотрел на ситуацию с других позиций. Кивая учителю, дескать понимает, что каратэ это не только вид восточных единоборств, но и учение, ведущее к самосовершенствованию не только и не столько физическому, сколько духовному, понимать этого не стремился. Да и многие ли из группы думали о духовной стороне? Тренировали-то в первую очередь тела. Учились бить и уходить от удара. Думая о том, как это может пригодится в уличной потасовке. Иногда грезя какими-то соревнованиями, поясами и титулами. Степа же пришел сюда, когда в подворотне по лицу наступали.

Олег не осуждал, напротив, считал, что это дело благое. Но для себя видел во всем этом иной путь, о котором предпочитал помалкивать. Любые философские темы, затронутые в компании сверстников, делали из него либо зануду, либо мальчика со странностями. В компа-

ниях постарше он воспринимался либо мальчиком со странностями, либо ой каким умненьким мальчиком. Отец упорно продолжал считать, что все философские выкладки семнадцатилетнего отпрыска лишь выпендрож и не имеют под собой никакой осмысленной основы. А выпендрож предка всегда раздражал, потому Олег и с ним старался этих тем не затрагивать.

Степа трещал всю дорогу о знакомых и незнакомых девчонках, травил какие-то байки не шибко пристойного содержания. Олег особо не прислушивался, думая о своем. От мыслей его отвлек голос приятеля:

– Ну что, может все-таки по пиву? Уже третью палатку проходим.

Олег остановился, посмотрел на Степку.

– Какое тебе?

– Светлое.

Он подошел к окошку, доставая из кармана пожеванные мелкие купюры.

– Четыре штучки зеленого туборга, – попросил в окошко. – И сушеного кальмара.

Из палатки на подростка посмотрели с сомнением. При немалом росте и не детской уже комплекции, двадцати одного года на олеговом лице не читалось ни при каких обстоятельствах. Но пиво все же дали. Не школьник и то ладно, деньги то зарабатывать надо.

Степа запустил пятерню в пакетик, как только отошли в сторону. Со щелчком открыл жестянку с пивом, сказал какую-то гадость в адрес брызнувшей на штаны пены и радостно сделал глоток.

– Ты себя ведешь как алкоголик, – пожурил Олег. – Только руки не трясутся.

– Жарко, а пиво холодное. И жажда мучит, – оправдался Степа. – А ты похож на зануду, или на мою матушку, когда она морали читает. Пошли на лавочку.

Лавочка была излюбленным местом молодежи. Когда-то она стояла на краю детской площадки, под высоким деревом. Потом детскую площадку срыли тихой сапой и воздвигли на ее месте автомобильную стоянку. Наезжать никто не стал. Глава домового правления, под юрисдикцию которого попадала площадка, главная местная активистка, могла бы устроить бучу. Но сын ее давно вырос из возраста качелек-каруселек, а вместо внуков заимел старенькую БМВ. Потому важность автостоянки возобладала над значимостью детской площадки.

Качели, карусели и лесенки пошли прахом. Травку засыпали гравием. Вокруг поставили невысокий заборчик, а на въезде повесили цепь с навесным замком, дабы кто не надо не парковался. А вот скамейка под высоким деревом оказалась никому не нужна, потому как стояла на отшибе. Так и осталась. Только если раньше на устроившуюся здесь молодежь ворчали молодые мамы и бабушки, выгуливавшие собственных чад, то теперь наезжать стало некому.

Степа плюхнулся на лавочку. Порылся в спортивной сумке и достал оттуда небольшой сверток, перетянутый ленточкой.

– Держи, это тебе. И давай, доставай своего сушеного кальмара.

– Он не мой, – Олег вытащил из пакета упаковку кальмаров. – Он атлантический. Спасибо.

Сверток оказался легким, но упакованным намертво. Ленточка затянулась на такое количество тугих узлов, что Олег полез за выкидушкой.

– Такую красоту испортил, – хихикнул Степа, глядя как приятель кромсает перочинным ножиком несчастную ленточку. – А еще эстет.

Олег на подначку не среагировал. Внутри конверта оказалось красивое издание «Семи самураев» Куросавы. Подарок так подарок. Все же Степа не такой балбес, каким хочет казаться.

– Спасибо, – искренне поблагодарил он.

– Не за что, – отмахнулся Степа.

– Сам смотрел?

– Не-а. Но мужик в магазине сказал, что это было культовое кино. В прошлом веке. В общем, мощное старье, как ты любишь.

Нет, все-таки балбес, подумал Олег и открыл банку пива.

Посмотреть на четвертого было интересно, но, когда ему ткнули направление и сказали «вот он», Игорь замер. Долго смотрел на двух пацанов, сидящих с пивом на скамейке и не верил своим глазам. Кот продолжал чинно шествовать, ведя под руку старую ведунью, с таким видом, словно повзрослевший внук выгуливал престарелую бабушку.

– Это же дети, – выдавил он наконец.

– Это сейчас они дети. При князем дворе мужик в семнадцать весен мальчиком не был. А ты вот, Игоряша, уже считался бы старым пердуном, – бодро отозвалась старуха.

– Который из них? – спросил Кот, пристально разглядывающий молодых людей.

– А ты сам как думаешь? – ухмыльнулась старуха.

Оборотень поглядел на подростков так, словно просветил рентгеном. Игорь не удивился бы, если после этого взгляда, Кот рассказал бы о строении скелета каждого пацана, а заодно выдал бы байку не хуже врачебного диагноза про каждый из внутренних органов.

Первый юноша был темноволос, довольно высокого роста, но при этом весьма стройной комплекции. Вид имел довольно интеллигентный. Нормальный представитель молодежи. Не настолько глуп, чтобы после школы отправиться в армию, а после нее пойти грузчиком в соседний магазин. Не настолько умен, чтобы прийти к мысли, что в семнадцать лет детство уже могло бы закончиться.

Второй, белобрысый, был чуть ниже приятеля, но коренастый. Довольно крепкий. Лицо его было куда как проще. А вот прохладные голубые глаза, цвета осеннего неба в последний солнечный день не блестели юношеским задором, как у первого, а смотрели куда-то внутрь себя. Словно бы парень парил над собственным телом и до рези в глазах всматривался в свое прошлое, настоящее и будущее, покрытое мраком памяти и неизвестности.

– Белобрысый, – отозвался Кот.

– В яблочко, – похвалила Яга.

– Хорошо, – кивнул оборотень. – Вечером познакомлюсь с ним поближе.

– А я? – поинтересовался бородатый.

– А тебя позже с ним познакомлю. Сперва надо понять, что в нем от него, а что наносное.

– Так вы чего, знаете этого пацана? – в оживленном состоянии с Игоря слетала всякая непроницаемость, солидность, грубоватость и быковатость, которыми он периодически прикрывался. Бородатый сам напоминал сейчас восторженного мальчишку с горящими глазами.

– Во-первых, – набычилась бабулька. – Он не пацан. Не смотри на внешность. Во-вторых, мы знаем кем он был. А кто он в этом теле, того никто не знает.

– Ни хрена не понял, – покачал головой Игорь. – понятнее объяснить слабо?

– Закрой рот и не бузи, – сердито посоветовала старуха. – А то в другой раз дома оставлю. Все? Посмотрели? Тогда пошли, нечего тут объяснялки на всю улицу разводить.

После второй бутылки пива Степа стал еще пошлей и еще разговорчивей.

– Кстати, – поведал он. – Я тут видел твою обожаемую. Она теперь с Коляном мутит.

Обожаемой была Люда. Олег не помнил, сколько лет ее знал. Иногда казалось, что помнил ее еще с песочницы. Но здравый смысл подсказывал, что этого быть попросту не могло, так как появилась она у них в пятом классе. Перешла из другой школы, переехала из другого района. Олег заприметил ее сразу и больше не выпускал из поля зрения. Как относилась к нему Люда сказать было трудно. Ему почему-то казалось, что она все понимает.

Иногда они общались по-приятельски в компаниях. А дальше этого не заходило. Заходило с другими. И у него и у нее. Отчего Олег мрачнел и замыкался. Степа, как бывший одно-

классник, ситуацию знал, но предпочитал помалкивать, потому как и Людку знал. Причем не в таких розовых тонах, в каких рисовалась она Олегу. Впрочем, иногда Степку прорывало, и он начинал говорить вещи нелицеприятные. На что бывший одноклассник реагировал всегда одинаково:

- Тон смени, – попросил Олег.
- Олешка, я не виноват что она с половиной района пере...
- Замолчи.

Олег резко поднялся со скамейки. Если б Степан не был лучшим другом, получил бы сейчас по морде. Тот сделал вид, что ничего не заметил, подставил рожу налетевшему летнему ветерку.

- Может, тебе как-то проявить себя? – предложил Степа.
- Как?

– Как с нормальной обычной бабой. С ними ж ты не теряешься. Почему с этой ведешь себя как лузер?

Олег посмотрел на друга.

– Почему как лузер? Почему если мужчина относится к женщине лучше, чем она позволяет к себе относиться, то он выглядит лузером.

– А ты хочешь выглядеть джентльменом? – Степан оживился, словно фокстерьер, у которого перед носом повертели лисьим воротником. – Не то время. В америке, например, над потерей девственности уже даже не смеются. Последняя кинокомедия на тему секса у молодежи была лет десять назад. И та с треском провалилась. Теперь это настолько нормально, что смеяться не над чем.

- Нет, не нормально. Нормально простое человеческое чувство, а не...
- Бе-ме, – передразнил Степа. – А о твоём чувстве она должна догадаться?
- Она о нем знает, – покачал головой Олег.
- И кто ей об этом сказал?

Перед глазами возник берег реки, песчаные замки. Девчонка и мальчишка.

– Она просто знает, – сбивчиво заговорил Олег, пытаясь удержать перед внутренним взором забытую картинку. – Я не как все, и не как со всеми. Я ее люблю. Понимаешь? А ты понимаешь. А если ты понимаешь, то и она должна понимать.

Он обошел зачем-то вокруг скамейки и вернулся на прежнее место. Степа посмотрел с ехидством. Потянулся за третьей банкой. Чего ее беречь, коли приятель не пьет?

– Ты это в книжке прочитал?

– Хоть бы и так.

– Чайник ты, Олег, – покачал головой Степа. – Она такая же баба как и все прочие, ничем не лучше. Будь проще и...

– Отвали. Не хочу я быть проще. Рано или поздно она ко мне придет. Я это знаю.

– А я знаю, что тебе на следующий бездник подарить, – пробурчал Степа. – Книжка такая была. «Горе от ума». Явно про тебя. Ну ладно, хрен с тобой. Сегодня вечером чего делаешь?

– Самураев смотрю, – буркнул Олег. Разговор ему не нравился.

– Вот и смотри. Но не засматривайся. Я тебе вечером довесок к подарку организую.

Степа и в самом деле позвонил вечером. Телефон затрещал как раз тогда, когда герой сокрушался о победе и смотрел на могилы сотоварищей. По экрану побежали титры, Олег потянулся за телефоном.

- Выходи, – не здороваясь бросил в трубку Степа.
- Куда? – Олег поглядел на часы.

Сумерки за окном давно уже загустели до чернильного состояния. Впору было лечь на диван с книжечкой и тихо отрубиться, заблудившись сонным взглядом между строчек. И уж на улицу точно не тянуло.

– Туда, – весело отозвалась трубка и возопила дурным голосом. – Час свиданья настал, вся в огне я горю.

– Не ори, – поморщился Олег. – Скажи толком чего ради мне выходить.

– Толку никакого, – снова развеселилась трубка. – Но если сейчас не выйдешь, потом будешь жалеть всю оставшуюся жизнь.

– Хорошо, – зевнул Олег. – Ща спущусь.

Степа ждал возле дома и вид имел перевозбужденный до невозможности. Глаза приятеля горели охотничьим азартом. Что случилось он рассказывать не собирался. Промычав что-то невнятное, подхватил Олега под руку и поволок куда-то через двор и кусты, не разбирая дороги. За кустами обнаружились «ракушки». Степан тихо матюгнулся, но поворачивать не стал и просочился между гофрированными металлическими стенками. Вынырнув на дорогу, повернулся нетерпеливо:

– Ну где ты там?

Олег тяжело вздохнул и полез в щель между «ракушек».

– Ты хоть можешь сказать куда мы идем?

– На встречу твоей судьбе. Она ждет тебя. Людка. В натуральную величину, – расплылся в чеширской улыбке Степа и пропел. – Там за поворотом, там за поворотом. Там-там-тадам-там-тадам.

– Ты что, с ума сошел?

Олег дернулся было назад, но Степа ловко перехватил за руку и потянул на себя.

– Не противься судьбе, – весело сообщил он и снова заголосил. – Прятаться поздно, не прятаться поздно. С днем рожденияииияяяяяяяя!

– Хорош горланить, – сдался Олег. – Тоже мне Юрий Леонтьев нашелся.

– Юрий Антонов, а Леонтьев Валерий, – поправил приятель. – Эх ты, любитель старины глубокой. Это даже я знаю.

– Это потому, что ты попсу слушаешь, – парировал Олег.

– А ты старье смотришь доисторическое.

За перепалкой пронеслось еще два двора. Степа перемахнул через невысокий заборчик, поднес палец к губам и ломанулся в кусты. Олег недовольно сунулся следом. Из-за кустов открывался вид на соседские корпуса и на подъезд, возле которого обычно тусовались Колян с приятелями. Сейчас ребят было пятеро. Между ними стояла бутылка водки и баллон кваса. Явно не первые и, видимо, не последние. Рядом с Коляном стояла Люда.

Степа, гордый собой, кивнул на открывшийся вид. Шепнул:

– А от подъезда тебя не видно.

– И что дальше?

– Дальше жди. Сейчас она придет к тебе.

– Сама? – не понял Олег.

Степа задорно посмотрел на приятеля.

– Ты мне знаешь кого напоминаешь? Еврея из анекдота. Он все просил бога, чтоб тот ему помог в лотерею выиграть. Наконец бог не выдержал и сказал: «слушай, ты б хоть билет лотерейный купил». Прояви фантазию, и она к тебе придет.

Не вдаваясь в дальнейшие разборки, Степа выскочил из кустов и по дорожке побрел к подъезду, возле которого собралась компания. Сделав пару шагов демонстративно обернулся и нажал кнопку на телефоне. У Олега коротко пиликнуло, сообщая о доставленном смс сообщении. Он вытащил телефон и открыл сообщение.

На экране светился номер телефона и короткая подпись: «набери меня».

Балбес, мелькнуло в голове. Хотя нет, все-таки не балбес. Льюиса Керрола читал. Или мультик смотрел? С него станется.

Степа дошел до подъезда, поприветствовал собравшихся парней и сходу начал что-то втирать, резво жестикулируя.

Олег, ругая себя последними словами, что поддался на авантюру, набрал номер из смски. Затренькало, потом загудело. Он ждал, не зная чего ждет, но догадываясь. Вдалеке за кустами у подъезда запиликал телефон. Она вынула из сумочки трубку и отошла в сторону.

– Алло.

– Привет, – тихо сказал он. – Это я.

– Кто это? – не поняла она.

– Иди прямо, увидишь.

– Плохая шутка, – отозвалась она, но сделала шаг вперед.

– Иди, иди, – подбодрил он.

Этого оказалось достаточно. Она зашагала неторопливо, держа трубку возле уха, словно что-то слушала и топала неизвестно куда в задумчивости. Когда ее перестало быть видно от подъезда он вышел на дорогу и нажал отбой.

– Алло! – сказала она пищущей трубке.

– Я здесь.

Люда подняла взгляд. Растерянность. Узнавание. Приятное удивление.

– Олег, – легкая полуулыбка.

– Пойдем? – он протянул ей руку.

– Пойдем.

Ее пальцы вцепились в его ладонь. Только сейчас он понял, что никогда, даже в детстве не держал ее за руку. А что было в детстве? Перед внутренним взором возникла река, песок. Девчонка, строящая замки. Мальчишка, разбивающий их ногой и всю жизнь чувствующий вину за тот полный детской несправедливой обиды взгляд...

Олег тряхнул головой. Картинка была не из его жизни, из чьей-то чужой. Он поймал себя на том, что идет и слушает ее щебечущий голосок.

– Я тебя с выпускного не видела...

А я тебя видел, хотелось сказать ему, но промолчал. Не мог говорить, потому что все слова вдруг показались пустыми и бессмысленными в сравнение с тем, что творилось внутри. Не было таких слов, чтобы описать это состояние. Не придумали их, как не старались сказать. Ни один поэт, ни один писатель, ни один художник или композитор. У кого-то получалось передать чувство, но между строк. Потому что слова бессильно отступали перед этим.

Он крепче сжал ее пальцы, остановился.

– Люда, – прошептал тихо. – Я столько тебя искал. Я только сейчас понял...

Олег запнулся. Нет, не понял. Просто знал почему-то, что искал эту женщину много лет, больше, чем живет на свете. Знание скользнуло зыбкой рыбкой и потерялось, как всегда, когда понимание пытаешься уложить в слова.

– Что ты понял? – испытующе посмотрела она на него.

– Я тебя люблю, – тихо произнес кто-то.

Людмила подалась вперед, замерла на мгновение. Потом вдруг отстранилась.

– А как же Коля? Я с ним...

– Нет, – рявкнул Олег.

– А ты что же – считаешь меня пай-девочкой, которая сидит и ждет воздыхателя, – надула губки Люда. – Так я давно уже не она.

– Нет, – повторил кто-то: не то Олег, не то кто-то другой внутри него.

– Да.

– Ты его не любишь. Ты же любишь меня.

– Я его не люблю. А ты слишком навязчив и требуешь от меня чего-то, чего я тебе вовсе не должна.

Олег замер на секунду, посмотрел на девушку новым взглядом. Только сейчас понял, что видел что-то другое, говорил то ли с кем-то другим, то ли кто-то другой. Осознание того, что он выпал из реальности ударило обухом по голове.

– Что ты на меня так смотришь? – спросила девушка.

Современная девушка в современном мире без каких-то там заоблачных высот и иллюзий. Олег тряхнул головой, пытаясь вспомнить, что только что говорил. Получалось плохо.

Столько похабных историй Степа не рассказывал никогда. Даже самые циничные его слушатели давно уже плевались бы от переизбытка вульгарности. Но выхода у него не было. Он быстро просек какие байки по нраву местной публике и разливался соловьем, только бы удержать зрительское внимание.

Народ пошлости одобрял громогласным хохотом, от которого из окна первого этажа периодически вылезала старушка и грозила милицией. Впрочем, это видимо была традиция, потому как старушку беззлобно посылали, отчего она исчезала в окошке. А через какое-то время вместо обещанных стражей порядка снова появлялась с угрозами.

Степку же милиция вполне бы устроила. Это избавило бы от необходимости пошлить, да и тем куда пропала Колянова дама никто бы не озадачился.

Первый раз в жизни предательская мысль закралась в Степкину голову год назад, когда он стоял с расстегнутыми штанами над очком биотуалета и справлял нужду. Стоило только подумать каким образом мобильник на прищепке держится на поясе расстегнутых штанов, как телефон сам ответил на этот вопрос: «никаким». Это было последнее на что намекнул мобильник прежде чем занырнуть в дырку общественного сортира. Этим вечером Степа снова вспомнил о том, что не только язык мой – враг мой, но и мысль моя тоже что-то из той же области.

Стоило предательской мысли мелькнуть в голове, как в стороне кто-то вежливо кашлянул. Коляновы братья по разуму повернулись на подошедшего. Степа тоже заинтересовался и скосил взор. В сторонке стоял мужичок лет сорока. Тощий, но жилистый. Обряженный в камуфляж без знаков отличия.

– Эй, мужики, – нагловато улыбнулся мужичок. – Пока вы тут ля-ля разводите, там вашу девочку уводят.

– Тебе чего, дядя? – набычился Колян и только тут уловил смысл сказанного, стрельнул глазами по толпе приятелей. – А где Людка?

– Может домой пошла, – пожал плечами кто-то.

Колян побагровел. Степа оглядел пятерых и оценив ситуацию хихикнул:

– А может увели? Кстати, тут...

– погоди ты со своими байками, – отстранил Степку Колян. – Ее кто-то видел? Серый?

– Кажется туда пошла, – кивнул в сторону кустов Серый.

– А ну-ка, пошли, – дернулся вперед Колян.

Пятеро лбов двинулись в сторону кустов. Степа с досадой огляделся, но мужичка-provокатора рядом не было. Вот гад, подумал Степа, сунулся не в свое дело и слинял. Убивать таких надо.

Пятерых парней во главе с Коляном он увидел еще издалека, когда пытался подобрать новые слова в свое оправдание. По счастью увидел их раньше, чем они его. Новая мысль чувств не касалась, а потому улеглась в словоформу мгновенно.

– Люда, обещай мне одну вещь.

– Ого! Еще и обещания, – оживилась девушка.

– Сейчас ты пойдешь домой и оглядываться не будешь. Я позвоню тебе завтра. Честно.

– А что случилось? – заволновалась девушка.

– Еще не случилось, – голос Олега стал властным. – Но скоро может. Иди. До завтра.

Сказано это было так, что девчонка словно замороженная повернулась и пошла прочь. Колян с приятелями увидели обоих и ринулись вперед.

– Людка, зараза! – гаркнул предводитель тусовки.

Люда обернулась и, теперь уже поняв в чем дело, поспешила домой. Говорить с пьяным Коляном в таком состоянии ей явно не улыбалось. Олег вышел вперед. Колян хищно прищурился.

– Ты, значит, охотник до чужих баб?

Олег говорить не стал. Правила уличной драки знал на зубок, потому, не дожидаясь традиционных вопросов-ответов, в которых все равно все повернется против тебя, чего бы не сказал, ударил первым. Колян отлетел, но упасть не успел, подхватили подоспевшие дружки.

– Ах ты ж сученок, – взревел он и ринулся на Олега.

Замах был сильный, но удара не получилось. Олег увернулся, достал ногой вскользь. Снова повернулся, стараясь держать в зоне видимости всех пятерых, хотя остальные в драку пока не лезли.

– Может, по хорошему разойдемся? – поинтересовался Олег.

Глаза Коляна загорелись ненавистью. Он поглядел на приятелей, с которыми только что кирил у подъезда. Те без слов подались вперед, обступая Олега. По-хорошему явно не получалось. Олег метнулся в сторону, выходя на открытое пространство и пытаясь держать дистанцию. Первого из нападавших ударил ногой, повернулся и саданул второму локтем в живот. Второй сложился, но четверо оставшихся стали злее и ломанулись на него теперь разом.

Олег увернулся от удара, понимая, что долго вертеться не сможет, осознавая, что за спиной теперь тоже опасность, которую сам туда по глупости запустил. Дернулся вперед, подпрыгнул, выкинув ногу, ударил. Нога проскользила по чьей-то скуле. Олег опустил на ноги. Переместить центр тяжести не успел, почувствовал, как сзади кто-то скручивает руки, хватая, мешая двигаться.

Конец фильма, метнулось в голове.

– Олержкаааа! – крик разнеслось над двором, разрезая вечернюю тишину. Унесся вверх к крышам.

Степа бежал через двор огромными скачками, перепрыгнул невысокую загородку возле дороги. Секундного замешательства хватило на быстрое решение. Олег наклонил голову и ударил головой назад. Хрустнуло и хватка ослабла. Затылок ныл, подсказывая, что удар был достаточно силен, что бы свернуть кому-то нос.

Замершая на мгновение мизансцена ожила столь стремительно, что уже в следующую секунду не возможно стало разобрать, что происходит в этой свалке. Серый орал в стороне, держась за кровавый нос. Колян ломанулся к Степке и пропустил хороший удар в ухо от Олега. Отчего его развернуло, накренило и лишившийся девчонки парень лишился равновесия. Степа зашел к Олегу со спины. Дальше ребята работали слаженно, как учили на тренировках. И очень скоро драка превратилась в свалку.

Вопли смешались со звуками ударов и матом. Степа сделал движение в сторону, уходя из центра потасовки. Дернул за собой Олега. Теперь стало возможным оглядеть поле боя.

Колян валялся на земле, держась за причинное место, по которому, кажется, никто не бил, а просто прошелся один из его же архаровцев. Серый сидел в стороне, хлюпая, ставшим похожим на оладий, носом. Трое остались на ногах, но тоже довольно потрепанные. Продолжать им уже не хотелось.

– Я ж говорил, что надо по-хорошему, – Олег утер рукой нос. – Пошли?

– Ага, – кивнул Степа.

Первые шагов десять прошли осторожно, не поворачиваясь спиной к Колян и его потрепанной гвардии. Потом Олег рискнул повернуться, но еще долго шел периодически оборачиваясь, таща за рукав приятеля. Степа шел не торопливо, подволакивал ногу, и как только место разборки исчезло из вида, Олег подставил ему плечо.

Когда ушли настолько далеко, что можно было немного расслабиться, Степа поглядел на приятеля. Не смотря на произошедшее, азарта и веселья в глазах не поубавилось, а рожа с подбитым глазом светилась довольством.

– Теперь я понял, почему ты дни рождения не любишь. Ты б хоть предупреждал, что к тебе такие гости приходят.

– Они еще и подарки приносят, – хохотнул Олег, чувствуя как отступает напряжение. – У тебя морда опухла и фонарь будет.

– Шрам на роже, шрам на роже для мужчин всего дороже, – пропел Степа. – Слушай, может мне бросить медицинский и пойти в консерваторию?

– В консерваторию с такой рожей не примут, – рассмеялся Олег. – А туфту про шрамы придумали неудачники, которые все время битыми ходят. Так что пусть Колян эту песню поет.

– Ты сам-то как? Целый?

– Целей тебя. Рубашку только порвали.

Степа скосился на надорванный до половины джинсовый рукав, пожал плечами:

– Оторвешь совсем, причем оба. Жилетка будет.

Степку он довел до квартиры. Там приятель попросил оставить его в гордом одиночестве, ибо мамыны нотации слушать при зрителях выше его сил. Олег прислонил друга к стене, утрамбовался в лифт к какому-то собачнику с ротвейлером и нажал кнопку.

От Степки до своего дома было минут десять пехом. Олег вышел из подъезда, огляделся по сторонам, нет ли кого. Бывали случаи, когда не наученные горьким опытом возвращались с группой поддержки. А драться в одиночку против толпы не хотелось. До смерти, конечно, не забьют, но до больницы запинаят, факт. Никакого пессимизма в этом не было, просто Олег реально оценивал свои силы.

Впрочем, толпы жаждущей отмщения тоже не было. Олег зябко повел плечами, вечер был не таким уж и жарким, и довольно быстро потопал в сторону дома. Самый неудобный для ночных прогулок кусок пути между длинной девятиэтажкой и забором детского сада, тоже показался пустым. Фонарей здесь почти не было, дай бог один горел с переменным успехом, но народу по счастью оказалось и того меньше.

– Эй, – нагнал негромкий голос, когда Олег дошел где-то до середины забора.

Неудобное место, пришла мысль. Деваться некуда. Только вперед. А впереди могут поджидать. Эх, надо было кругом обходить. Парень неторопливо повернулся. Сзади шагах в двадцати стоял невысокий сухощавый мужичок в защитных штанах и такой же рубашке. На ногах мужика красовались тяжелые армейские ботинки.

– Вы мне? – поинтересовался Олег.

– Ага, – кивнул мужичок. – Плохо ногами работаешь.

– В смысле? – не понял Олег.

– В смысле голенью. От такого удара легко уходить. Ну чего пялишься, как будто не понимаешь?

Мужичок подошел совсем близко, остановился в нескольких шагах.

– Не понимаю, – честно признался парень.

– А чего тут непонятного. Видел я, как вы с приятелем ногами махали.

– И не вступились? – усмехнулся Олег, чувствуя подвох.

– Не-а. Мне интересно было поглядеть, чего ты можешь. Ногами работаешь плохо. Объяснить? Вот ударь меня.

Мужичек пошел в сторону, сохраняя расстояние между ними, но заходя к Олегу сбоку.

– С чего это? – Олег отступил на шаг, поворачиваясь в направлении мужика, чувствуя, что теряет из поля зрения конец забора, где могла быть «группа поддержки».

– Ну хотя бы потому, что это я их на тебя натравил, – усмехнулся мужичок.

– Врете, – покачал головой Олег.

– С чего мне врать? – мужичок остановился и задорно поглядел на парня. – Они сидели базарили, я подошел и рассказал им, как у них девку увели из-под носа. Ты бы видел как один из них раздухарился. Ну, а остальные, видимо, за компанию. Девка-то хоть стоящая? Или так себе?

Мужичок стоял и нагло улыбался. Олег чувствовал, знал, был уверен на сто пятьдесят процентов, что его провоцируют, но ничего не смог с собой поделать. Это нарочитое «девка» оглушительно ударило по ушам. А от похабных намеков к голове прилила кровь, в глазах потемнело. Мир сузился до одной цели, и целью этой была нагло улыбающаяся физиономия.

Удар, в который вложился Олег должен был если не снести мужика, то снести улыбку с его рожи и отбить всякое желание улыбаться. Однако, четко отработанный, он просвистел мимо. Мужичок непостижимым образом оказался рядом, словно исчез и возник снова, но уже в другом месте.

– Я ж говорю, плохо работаешь, – усмехнулся он. – Мазила.

Олег почувствовал, как ярость накатывает новой, все сметающей волной. Второй удар был мощнее первого, но снова просвистел мимо. Олег почувствовал, как подставляется, понял, что допустил ошибку, но противник ей не воспользовался. Он все так же стоял рядом на расстоянии удара и нагло улыбался. Эта улыбка выбила из головы остатки ясности, разум залила эмоция, и Олег пошел в новую атаку.

Больше он не останавливался, работал на износ, на полную катушку. Хлеще, чем на тренировках и соревнованиях. Удары непостижимым образом проходили мимо цели, но больше Олег не подставился ни разу. Видя, что соперник снова уходит, переносил центр тяжести, поворачивался, бил снова и снова, но с тем же результатом. Через невообразимый промежуток времени, он затруднялся сказать сколько прошло с начала стычки, дыхание начало давать сбои.

Олег отпрыгнул в сторону и оценил противника, тот кажется не запыхался вовсе.

– Загонять меня решил, – ухмыльнулся он. – Ну-ну. Смотри не запарься.

Где-то на краю сознания родилась мысль, что группы поддержки в конце забора никакой нет, что это не уличная драка, а что-то совсем другое. Но закончить поединок сейчас было уже невозможно.

Парень снова ринулся в атаку. Попытался сработать на опережение, предугадать движение противника, но и это оказалось недостижимой задачей. Мужичок был бойцом посильнее учителя. Того Олег конечно тоже сделать не мог, но со своим уровнем мог хотя бы пару раз дотянуться до противника. То ли учитель поддавался, то ли в подметки не годился странному мужику в камуфляже, но теперешний спарринг напоминал бой с тенью, где до противника не достать, потому как существует только в воображении.

Олег снова попытался сработать на опережение и снова ошибся. Понял что ошибся уже в следующий момент, когда соперник неожиданно вырос сбоку и сам пошел в атаку. Олег не успел ничего сообразить, только почувствовал, как что-то больно садануло по кадыку. В следующее мгновение так же резко и холодно ткнуло в живот, а еще через долю секунды ощутимо ударило в грудь.

Парень судорожно сглотнул. Горло жгло болью, саднило грудь и удар в живот, хоть и не сильный, тоже давал о себе знать. В полусогнутом состоянии обернулся и посмотрел на

мужичка. Соперник стоял все так же на расстоянии удара, но уже не улыбался. В руке держал за черное лезвие внушительных размеров нож.

– Плохо, – покачал головой мужик. – Совсем плохо.

– Почему? – хрипло произнес Олег, пытаясь проглотить вставшую поперек глотки боль.

Мужичок повертел перед носом рукоятью ножа, который продолжал держать за лезвие.

– Потому что ты уже почти три раза умер.

– Почему почти? – Олег попытался распрямиться, но до конца не вышло.

– Потому что в брюхо не смертельно. Кишки наружу конечно, но выкарабкаешься. А горло и сердце это насовсем.

Парень распрямился, расправил плечи и повертел шеей. Удержать боль внутри не получилось и он судорожно поморщился.

– Болит? – поинтересовался мужичок.

Олег кивнул.

– Это хорошо. Понимания без боли не бывает. Через боль можно прийти к ложному, а можно к истинному. А без боли ни к чему не придешь. Хочешь что-то понять?

Парень снова кивнул, чувствуя, что говорить толком не может.

– Значит должен болеть. Должно быть больно. Всегда.

– Что ж теперь, руки-ноги переломать для понимания?

– Зачем? – искренне удивился мужик. – Боль должна быть не обязательно физической.

А вот душа должна всегда болеть. Так что, ты хочешь что-то понять?

Олег провел ладонью по ноющему кадыку.

– Ага, – кивнул он. – Сперва хочу понять кто вы?

Они шли прогулочным шагом по аллейке, о существовании которой Олег почти забыл. Вся жизнь в районе проходит по дворам, либо по дороге от метро до дома. Если б мужичок не вытащил на бульварчик, так и мысли бы сюда прийти не возникло.

– Знаешь почему я ухожу от твоих ударов? Ты голенью работаешь. Это расстояние. А расстояние это упущенное время.

– Чем ближе к противнику, тем опаснее, – пожал плечами Олег.

Мысль была настолько не хитрая, что казалась очевидной.

– Для обоих, – поправил мужичок. – Ты забываешь, что тот, кто выходит против тебя, тоже человек. Ты опасаясь ближнего боя? Отлично, а он чего опасается? Да того же самого. Если ты это знаешь и умеешь этим пользоваться, то ближний бой становится менее опасным, зато более эффективным. Смотри.

Мужичок отошел в сторону и быстро нанес воображаемому противнику несколько ударов. Он работал полусогнутыми ногами, но удары выходили точными, стремительными и явно не безопасными. Короткая серия ударов закончилась так же стремительно, как и началась. Мужичок снова подошел ближе.

– Видел?

Олег кивнул.

– Не совсем понял несколько переходов, – пожаловался он. – Может покажете на мне?

– Не покажу, – покачал головой собеседник. – Драться не умею, только убивать. Так что если хочешь чему-то учиться будешь смотреть со стороны и перенимать. Спаррингов со мной не будет, Олег.

Парень замер, внимательно посмотрел на мужичка. Тот ответил простым открытым взглядом.

– Вы меня знаете? Но откуда?

– Скажем так, – словно собираясь с мыслями протянул мужичок. – Видел на тренировках.

– Так вы тоже занимаетесь каратэ?

– Нет, – покачал головой мужичок. – Я это название сегодня первый раз услышал. Никогда такого не знал и знать особо не хочу.

– Напрасно, – не согласился Олег. – Каратэ это ведь не просто стиль борьбы, это учение, философия. Путь.

Мужичок остановился, присел на стоящую рядом лавочку, хлопнул по сидению рядом, приглашая сесть.

– Путь, – согласился он. – Всего лишь путь. Один из многих. Знаешь в чем беда всех восточных школ? Как, говоришь, зовут основателя твоего Кёкусинкай?

– Ояма, – Олег пристроился рядом на лавочке.

– Так вот я полагаю, что этот Ояма был достойным человеком, который шел своим путем, достиг чего-то. Его Путь, его заслуги. Понимаешь? А ученики этой школы пытаются идти путем другого человека, забывая, что он уже пройден. Да, это может быть великий человек. Да, его Путь заслуживает уважения, достоин подражания. Но нельзя идти чужим путем и придумывать себе бога из человека. Путь у каждого свой.

Олег смотрел с интересом.

– Подумай, – кивнул мужичок. – Я ведь не настаиваю. Просто предлагаю поле для раздумий. Теперь вторая твоя ошибка. Никогда не поддавайся на провокации. Не доверяй словам, если ими играют. Слова лживы.

Парень вспомнил едкое «девка». В висках снова забилась кровь. Он вспыхнул, как солома, в которую бросили спичку, вскочил. Голос зазвучал порывисто.

– Даже если они обидны? Даже если кто-то говорит грубость? Несправедливость?

– Особенно, если так, – кивнул мужичок. – Сядь и не подсакивай. Если кто-то бьет словом, подумай для чего. Каким будет его следующий удар. Я не предлагаю прощать несправедливые и грубые слова. Но когда незнакомый человек бьет словом, значит, знает куда бить. А если знает куда бить, значит он тебя знает. Он тебя знает, а ты его нет. Помни об этом и не подставляйся под удар. И еще одно. Будь осторожен во всем, что касается женщин.

Парень дернулся было снова вскочить, но удержался на месте.

– Ояма, хоть он вам и не нравится, делил женщин на матерей, жен и соблазнительниц. Последних мужчина должен в идеале считать сестрами.

Мужичок перехватил взгляд, посмотрел в самые глаза Олегу, будто в душу заглянул. От этого взгляда захотелось вздрогнуть.

– Считаешь ее женой? – быстро спросил мужичок.

– Да, – без колебаний ответил Олег.

– Хорошо, – кивнул собеседник вальяжно откидываясь на спинку скамейки. – Но только помни, что помимо того, что считаешь ты, есть действительность. А в действительности она пока не твоя жена. Женщина не ставшая женой по твоему делению соблазнительница. А соблазнительницы опасны. Берегись ее.

– Вы просто не знаете о чем говорите, – грустно произнес Олег. – Когда я ее вижу, мне кажется, что знал ее еще до рождения, что мы одно целое. Вы ведь любили когда-нибудь? Неужели от женщины не осталось ни одного доброго воспоминания.

Мужичок дернулся, словно ему смазали пощечину. В глазах на мгновение появилась боль.

– Все светлое, – произнес тихо, – Что помню в жизни, связано с женщиной. Всем темным обязан этим воспоминаниям. Я не буду рассказывать тебе в чем ты не прав, здесь каждый решает сам. Просто будь осторожен. И не поворачивай спину той «жене», которая не считает тебя мужем.

Олег долго сидел в задумчивости, ковырял носом кроссовку землю возле лавочки. Мысли текли неспешно, и было над чем подумать. Собеседник не мешал, молча ждал, когда парень проявится.

– И все-таки кто вы? – встрепнулся наконец Олег.

– Зови меня Ко... – мужичок замялся на мгновение. – Костя.

– Хорошо, дядя Костя, – улыбнулся Олег. – А для чего вам все это? Зачем вы меня нашли? Зачем все эти разговоры?

Дядя Костя встал со скамейки и сурово посмотрел на парня.

– Поймешь со временем, – сухоvalo ответил он. – Если хочешь, чтобы я тебя чему-то учил, завтра придешь сюда же часам к девяти утра. Если не придешь, второй раз предлагать не буду.

И прежде чем Олег успел что-то сказать, мужичок быстро пошел вдоль по аллее.

Мелко порубленный лук стал золотистым, шкворчал в раскаленном масле. Старуха взяла доску, сыпала в сковороду порезанную кругляшками картошку. Зашипело. Старческие пальцы ловко накиннули сверху крышку и убавили огонь.

Старуха повернулась. Игорь сидел за столом над пустой тарелкой с видом послушного мальчика. Казалось, попроси показать руки, не удивится, а спешно продемонстрирует, что они вымыты.

– Чего примолк?

– Да спрашивать боязно, – хмыкнул Игорь.

Бабулька явно прибывала в хорошем расположении духа. Благодушно отмахнулась.

– Спрашивай чего хотел. Про Олега что ли?

Игорь кивнул.

– Он кто?

Старуха задумалась. Неспешно отошла, взяла доску, нож и пучок зелени. Вернувшись к столу принялась неторопливо шинковать.

– Его зовут Милонег. Он внук киевского коваля, что у Владимира-крестителя служил. Сам тоже ковал, изобретал чего-то. Потом князю под горячую руку сунулся и в погреб попал. А оттуда пути два: либо ногами вперед, либо вперед за Русь на верную гибель. У Красна Солнышка с этим все в порядке было, он пленников просто так не отпускал. Всегда с умыслом. Вот и тогда так. Выпустил и уснул на верную гибель.

– Так он погиб?

– Погиб, но позже. Не о том речь. Я уже говорила, он равнодушный. Человек, когда умирает, душа его куда летит?

Игорь пожал плечами:

– Не знаю. В рай, в ад, в космический разум.

– Рай и ад это придумка для обывателей, чтоб вели себя пристойно. А то вам только волю дай, сперва друг дружку переимеете с особым извращением, потом перережете. Но в общем не далек от истины. Душа в новый для себя мир летит. Стремится к нему, надеется, что он будет лучше. Потому о старом мире и не вспоминает.

Старуха дорезала зелень. Убрала доску, поворошила картошку. Когда сняла крышку со сковороды, по кухне разнесся умопомрачительный аромат. Бородатый слотнул голодную слюну. С сожалением проследил за тем, как крышка возвращается на место.

– Люди равнодушны в большинстве своем. О себе заботятся, о себе думают. Редко когда равнодушного встретишь, который больше о том, что вокруг думает. Но встречаются. Когда у такого равнодушного душа отлетает, она тоже не о себе и не о новом лучшем для себя мире думает. Потому те равнодушные на мосту и задерживаются. Милонег тоже там был. Только он сейчас здесь нужен, потому я его с моста вытащила и в живое тело вернула. Теперь он – Олег.

– А как же... – начал было Игорь.

– В обмен. Душа на душу. Таков порядок. Настоящий Олег при родах умер. А Милонег его тело занял, так и живет уже семнадцать лет.

– А родители, родственники? – удивился бородатый. – Как же можно скрывать, что ты не ты, грудного ребенка из себя изображать?

Старуха выключила плиту.

– А кто тебе сказал, что он изображает? Он с рождения живет, как Олег. Память Милонегова в нем спит. Пока. Как для дела понадобится, так я ее разбужу.

– Кого?

– Память. А пока пусть Кот его тело тренирует. Ты тоже можешь чему дельному научить.

Старуха взяла сковородку и принялась накладывать истомившемуся Игорю картошку. В прихожей заскрежетал замок. Хлопнула дверь. Благодушные слетело со старухи, как с белых яблонь цвет.

– Приятель твой пришел, – проворчала она.

Кот не заставил себя ждать. Уже через минуту он появился в дверях кухни. Вид он имел озадаченный. Уминавший картошку Игорь встрепенулся.

– Ну что? Познакомился?

Кот молча кивнул. Глазами стрельнул на Ягу.

– Что-то не так? – перехватила взгляд старуха.

– Не так, – сощурился Кот. – Ты, костяная нога, зачем бабу его сюда притащила? Или тебе гурьбой оживлять сподручнее?

– Какую бабу? Ты о чем?

– А то ты не знаешь, – фыркнул Кот. – Я сегодня видел Милонегову девку. И он по ней с ума сходит. Даже память прорезается. Слава богам, он этого не понял.

Старуха помрачнела, молча опустилась на табуретку. Кот смотрел испытующе. Игорь тихой сапой трескал картошку, не решаясь вступать в разговор. Наконец старуха прервала молчание.

– Это не я, – тихо и быстро произнесла она. – Я ее не воскрешала. Только его.

– Хорошие дела, – протянул Кот. – И что это значит?

– Одно из двух, – задумчиво откликнулась старуха. – Либо ее воскресили силы мертвого мира, либо в этой истории участвует кто-то кроме нас.

– Еще одна яга?

– Не знаю, – окрысилась старуха. – В любом случае эта девка скорее враг, чем друг. Вот что, надо будет ее как-нибудь подловить и к нам затащить. Я ей память открою, все и выясним.

– А Олег? В смысле Милонег? Если узнает, что мы с ней так, – Кот запнулся. – Он тебе этого не простит.

– Мало кто мне чего не прощает, – пробурчала старуха. – Переживу. Чего там с Олегом?

Кот расплылся в довольной улыбке.

– Все хорошо. Завтра начну его тренировать. Это, конечно не то тело, что у Муромца и Поповича воинским хитростям училось, но кое-что может. Будем развивать. Сколько времени у нас есть?

Старуха пожала плечами.

– Кто знает. Может несколько месяцев, может несколько лет.

Олег очень торопился. Встал рано с мыслью, что проспал, глянул на часы и понял, нет, будильник еще не звонил. Тем не менее встал, наскоро собрался и вышел в утро с вялыми машинами, сонными пешеходами и сумасшедшие орущими птицами.

К заветной лавочке он пришел на пол часа раньше, но дядя Костя, оказалось, уже был на месте. Он сидел откинувшись на спинку лавочки и блаженно щурился на солнце. На подошедшего Олега глянул лениво приоткрытым глазом.

– Не спиться? – поинтересовался он. – Это хорошо. Значит в следующий раз встречаемся на час раньше.

Олег не успел ничего ответить или спросить. Дядя Костя распрямился, как отпущенная пружина.

– Лес где знаешь?

– Знаю, – опешил Олег. – А что?

– Беги, – приказал не терпящим возражений тоном. – Там встретимся, поговорим.

Олег развернулся и побежал, постепенно набирая скорость. Очень хотелось оглянуться, но сдержался.

– Беги так, словно от этого твоя жизнь зависит, – догнал его оклик.

Кот поглядел, как набирает темп удаляющийся парень, выждал паузу, потом спешно перешел через дорогу и побежал к лесу окружным путем.

Солнце прогрело остывший за ночь воздух и начинало припекать основательно. Кот старался выбирать путь так, чтобы меньше бежать по солнцепеку, больше находиться в тени. Это увеличивало дорогу, но до леса он тем не менее добрался первым. Остановился у импровизированного шлагбаума, который перекрывал дорожку в лес любителям закатывать туда на личном автотранспорте, огляделся. В стороне валялась здоровая ржавая труба. Кот подхватил, взвесил на руке, улыбнулся.

Олег появился через несколько минут. Бежал уже не так быстро. Увидев Кота, остановился.

– Дядя Костя...

– Чего встал? – полюбопытствовал тот. – Иди сюда. Трубу видишь?

Олег кивнул.

– Хватай на плечо и вместе с ней вдоль леса.

– Сколько бежать? – сипло поинтересовался Олег.

– Торговаться вздумал?

– Нет, – парировал парень. – Силы рассчитывать.

– А ты не рассчитывай. Просто беги, пока они не кончатся. Пока не упадешь.

Тот кивнул, но на трубу поглядел с сомнением. Уж больно ржавая. Впрочем, как учит реклама, если правильно выбрать стиральную машину и стиральный порошок, то отстирывается все. Спорить не стал, по тренировкам в школе каратэ знал, что с учителем не спорят. Либо делают, что сказали, либо уходят раз и навсегда. Потому молча подхватил ржавую железяку, взвалил на плечо и неторопливо двинулся вдоль кромки леса, переходя на бег.

Сперва ноша показалась не такой уж и тяжелой. Олег взял темп, отвлекая себя мыслями о том, каким образом дядя Костя умудрился добраться до леса первым. Разве что на машине доехал. Вскоре труба напомнила о своем существовании, разогнав все мысли. Олег понял, что напрасно так разогнался. Движения давались все труднее, дыхание начало сбивать.

Он попытался дышать ровнее и думать о чем-то стороннем. Мысли тем не менее возвращались к чертовой трубе. Олег подумал было, что не плохо бы перекинуть ее на другое плечо, но на бегу это было немыслимо. А останавливаться нельзя.

Олег не знал, сколько пробежал так. Он потерял счет времени. Ему казалось, что тело безбожно перекошило, а труба с садистским наслаждением врезается в плечо ровными в такт шагам ударами. Когда впереди увидел МКАД и забор, в который упиралась тропка, чуть не заплакал от счастья.

Трудно сказать откуда взялись силы. Олег поднажал, закусив губу от боли в плече, и ринулся вперед. Последние скачки вырвали остатки сил. Справа был забор, впереди на небольшом возвышении гудели машины. Бежать дальше было некуда. Олег отшвырнул трубу, та болезненно скользнула по руке, и упал на колени. Дыхание вырывалось с хрипами.

– Не плохо, – похвалил голос сзади.

Олег обернулся. Дядя Костя почти и не запыхался. Сейчас возвышался рядом и восстанавливал дыхание. Олег кивнул стоя на карачках. На большее не хватило.

– Не плохо, – повторил наставник. – Теперь трубу можешь оставить и бегом назад.

Домой Олег приполз в таком состоянии, в каком не возвращался ни с одной тренировки. Скинул кроссовки и вымазанную ржавчиной футболку. В душ залез едва живой, и долго стоял под струей, привалившись к стене.

Когда в комнате затрещал телефон, он даже не пошевелился. Звонили долго и навязчиво, ну и наплевать. Кому надо, тот перезвонит, а кому не надо, так и бог с ним.

Второй звонок раздался много позже. Олег уже вылез из душа и расчесывал мокрые волосы, стоя перед зеркалом в одном полотенце, когда снова надрывно и нетерпеливо затрещало. Он хотел было и в этот раз не обратить внимания, как вдруг внутри что-то дрогнуло. А вдруг это она? Олег бросился к телефону, чуть не потеряв разматывавшееся по дороге полотенце.

В трубку вцепился как в спасение.

– Алло.

– Привет, – отозвалась трубка Степкиным голосом. – Это я. Ну, как вчера дошел?

– Вчера дошел, сегодня дополз, – вяло отрапортовался Олег. Говорить с другом почему-то особенно не хотелось.

– А чего сегодня? Опять дрался?

– Нет. Вчера дрался. Сегодня тренировался.

В трубке воцарилось долгое молчание. Олег даже мысленно улыбнулся, не каждый день удается ввести в ступор говорливого приятеля.

– И с кем ты вчера дрался?

– С тем, с кем сегодня тренировался, – загадочно пояснил довольный собой Олег.

– Говоришь загадками, – буркнул недовольный от уязвленного любопытства Степка. – А все-таки.

Олег прижал трубку плечом к уху, отбросил в сторону полотенце и принялся не спеша одеваться.

– Его зовут Костя, – объяснил Олег. – Замечательный мужик.

– И сколько лет замечательному мужику?

– Лет сорок.

– Охрененных ты себе друзей находишь, – в трубке послышалась легкая обида. – Главное по возрасту. А завтра на тренировку идем?

– Идем конечно. Ладно, я пойду, мне еще один звонок сделать надо.

– Ну и иди, – голос Степки совсем поскукнел, словно его оскорбили в лучших чувствах.

Но Олег этого уже не слышал. Трубка вернулась на базу. Олег застегнул рубашку, подхватил брошенное на диван полотенце. Мягкая ткань была приятно влажной. Развесив мокрое полотенце на балконе он вернулся в комнату, достал мобильник и решительно набрал номер.

– Алло, Люда?

Она пришла к нему вечером. От нее веяло чем-то. Ему показалось любовью. Олег погасил свет и зажег свечи. В чем-то Кот был прав. Время может меняться сколько влезет, но люди не меняются, как и их представления о жизни, о романтике, обо всем.

Он смотрел на нее влюбленными глазами, а она сладко тянула вино. Бесконечно долго. Потом были разговоры о чем-то незначительном. А когда вино и разговоры иссякли, она протянула его к себе.

Губы обжег поцелуй. В голове заплясали странные образы, будто из другой жизни. Будто бы он не он, и она другая. Реальность поплыла, как воск от свечки. Он упивался ее губами, а потом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.